Рос 4-4 / 1-420
195
ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
11-43

№ 61 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

АПРЕЛЬ 1960 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

36-й год издания

ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ

Догонят большевики Америку в области производства или не догонят — вопрос, по нашему мнению, второстепенный, хотя именно здесь в большинстве случаев и ломаются копья: одни утверждают, что не догонят, а другие доказывают, что догонят. Гораздо важнее, как нам кажется, следующий вопрос: что же получится, если большевики догонят Америку? Об этом ничего не говорят ни сами большевики, ни те, кто оспаривает их притязания на соревнование с Америкой.

Так как современное американское производство в вожделениях большевиков является, повидимому, образцом и даже почти идеалом, то нет сомнения, что они хотят его целиком, без изменений, пересадить на свою почву. Проще говоря, хотят производить столько же, сколько производится в Америке и... больше ничего.

Что теперешнее производство в Америке технически хорошо налажено — об этом не может быть и речи. Все делается быстро, точно и аккуратно... Но этим вопрос о производстве не исчерпывается. Производство ведь не существует ради производства. Это только в былые времена в России некоторые помещики разводили голубей-трубачей исключительно с той целью, чтобы хвастнуть перед соседом, таким же помещиком. В современном деловом мире таких хвастунов нет. Никто теперь не производит предметов ни ради их красоты, ни с той целью, чтобы показать ловкость своих рук. Все, что теперь производится, — производится ради наживы. Нажива — основа современного производства. Есть возможность больше нажить — производство ускоряет темп, сокращается возможность наживы — со-

АНАРХИЗМ МНОГОГРАНЕН... Его можно уподобить радуге, состоящей из разных цветов, но не распадающейся на эти составные цвета. И как радугу нельзя изобразить одним цветом, так нельзя иметь точного облика анархизма, находясь в пределах лишь одного из его толкований. Для полноты, ясности и точности картины анархического жизнеустройства — требуется хотя бы беглое знакомство со всеми ответвлениями анархизма. Исходя из этих соображений, на страницах "Дело Труда - Пробуждение" иногда появляются статьи, с содержанием которых редакция не вполне согласна. Цель печатания таких статей — подчеркнуть всю глубину и ширину анархического мировоззрения.

89996

кращается и производство. Стало быть, большевики, стремясь догнать Америку, тоже, по всей вероятности, имеют в виду эту наживу.

Нажива достигается двояко: путем недоплачивания рабочему за его труд и путем продажи вещи по цене выше ее стоимости. Это в конечном итоге ведет к тому, что рабочий, произведя какую-нибудь вещь, не может купить ее за те деньги, которые он получил за свою работу. Разница эта настолько велика, что даже если отчислить долю, необходимую на оборудование фабрики, стоимость сырья и расходы по транспорту, то и тогда стоимость вещи будет превышать жалованье рабочего. В конце концов это приводит к тому, что принято называть перепроизводством, от которого страдают частично сами же предприниматели, а производители — тем более. Большевики от перепроизводства, конечно, не будут страдать, ибо у них, как производителей, нет конкурентов, но что широкие слои населения будут находиться в таких же условиях, в каких находится население Америки (и даже в худших)—сомневаться в этом не приходится. Мы здесь имеем в виду не условия американского быта вообще, а отношение производителей к произведенным ими вещам. Производитель в Америке отчужден от произведенной им вещи. Между производителем и произведенной вещью — глубокий ров, именуемый собственностью. Это же будет и в СССР, ибо собственность там не упразднена, а лишь приняла иные формы. Рабочий там, как и в Америке, работает не на своих, а на чьих-то машинах, не в своем, а в чьем-то помещении. Даже крестьянин там работает не на своей, а на чьей-то земле и не своим, а чьим-то живым и мертвым инвентарем. Стало быть, увеличение производства отразится там на благосостоянии производителей точно так же, как оно отражается в Америке. (Это, конечно, в самых лучших случаях.)

Бросим беглый взгляд на положение в Америке. Что в этой стране текут молочные реки в кисельных берегах — это известно на всем земном шаре. Однако... нищета в Соединенных Штатах — не выдумка и не большевистская пропаганда, а реальная действительность. Конечно, нищета эта не такая, какой ее изображают большевики, но все же это — нищета.

По словам покойного президента Рузвельта, одна треть населения США в начале тридцатых годов жила ниже среднего жизненного уровня. С тех пор положение в стране несколько улучшилось, процент живущих ниже среднего уровня стал меньше, но все же он довольно значителен.

Профессор Висконсинского университета Лэмпмэн, которому правительственная комиссия поручила обследовать этот вопрос, утверждает, что в 1957 г. 19% населения США находилось на положении нищих, т. е. живущих ниже среднего жизненного уровня. Эти 19% составляют ни больше, ни меньше, как 32 миллиона человек.

И вот, в стране, в которой текут молочные реки в кисельных берегах, 32 миллиона человек одеваются не так, как надо одеваться, питаются не так, как надо питаться и имеют жилища не такие, какие надо иметь. Правда, проф. Лэмпмэн утверждает, что процент нищих постепенно понижается и что к 1967 г. он составит не больше 14% общего населения. Что-ж, поживем — увидим, если кому-либо из нас суждено дожить до этого времени.

Однако... тут тоже есть свое “однако,” о котором следует сказать хоть несколько слов. Нищету проф. Лэмпмэн, а также и члены правительственной комиссии, возглавляемой сенатором Доглэсом, определяют доходами населения. В виду того, что все доходы обложены подоходным налогом, правительству теперь известно сколько кто зарабатывает в течение года. Для определения нищеты взята цифра 2,500. Если чьи-либо ежегодные доходы ниже этой цифры — он нищий, а если выше — он не нищий. В действительности это, конечно, не так или не всегда так. Прежде всего, 2,500 долларов в тридцатых годах и 2,500 дол. в наше время — не одно и то же. В тридцатых годах за эти деньги можно было купить гораздо больше, чем теперь. Затем, конкретно нет почти никакой разницы между двумя соседами, один из которых заработал за год 2,500 дол., а другой 2,600 долларов. Но по классификации проф. Лэмпмэна, первый будет считаться нищим, а второй не нищим. И вот,

если принять все это во внимание, т. е. реальную покупательную стоимость доллара и количество лиц, ежегодный доход которых превышает 2,500 дол., но не достигает, скажем, 3,000 долларов, то процент живущих ниже среднего жизненного уровня окажется гораздо большим.

Мы этим нисколько не намерены наводить тень на Америку, как это почти всегда делают большевики. Мы этим хотим лишь подчеркнуть то, что при современной форме производства, нищета неизбежна. Сами буржуа, если они честные, не отрицают этого. (См. передовую статью в "Нов. Рус. Сл." в номере от 20 января с. г.) Неизбежной она окажется и в СССР, даже если Америка будет догнана и перегнана. (О теперешней нищете в СССР и говорить ничего. Там целые, а не порванные штаны уже составляют богатство.) Где есть собственность, там должна быть и нищета. Это такое же правило, как дважды два — четыре. Частная эта собственность или государственная — для населения это большой роли не играет. Неимущим фактически безразлично кому принадлежат вещи, к которым они (неимущие) не могут дотронуться.

Возможно, что если бы большевикам удалось догнать Америку, то процент неимущих был бы меньше, чем теперь в Америке. Но возможно и обратное. Последнее более вероятно, и вот почему.

Благосостояние населения в Америке всецело зависит от денег. Кто имеет деньги — тот имеет все. В СССР деньги — не все, хотя они там тоже играют большую роль. Для того, чтобы купить нужную вещь в СССР, кроме денег, нужно иметь соответствующую бумажку — разрешение от властей. Без этой бумажки некоторые предметы недоступны покупателю, достать же сию магическую бумажку не всякий и не всегда может. Поэтому вполне естественно предполагать, что если бы большевикам и удалось сравняться с США в смысле производства, то им никак не удалось бы сравняться в смысле благосостояния населения. Выпустить на рынок много предметов — дело одно, но чтобы эти предметы попали в руки населения — дело совсем другое. Нужно так же иметь ввиду, что частновладельческий рынок до известной степени зависит от покупателя. Владельцам тех или иных предметов желательно, чтобы их предметы как можно больше покупались, вследствие чего затрачиваются огромные средства на рекламу. В СССР нет такой зависимости рынка от покупателя. Большевики не тратят денег на рекламу, ибо они знают, что если не продадут свой товар дома, то продадут его за границей. Даже иногда им выгоднее продавать за границей те вещи, в которых нуждается население своей страны, ибо продажа за границей связана с пропагандой. Обилие сов. товаров на заграничных рынках создает впечатление, что в СССР всего вдоволь и что система, установленная большевиками, лучше системы, существующей в других странах.

Вообще, "заповедь," частно-владельческого рынка, гласящая, что покупатель всегда прав, неизвестна советскому рынку. Не товар для покупателя, а покупатель для товара — рыночное правило СССР. Что дали, то и лопай...

Следует также отметить, что благосостояние населения не исчерпывается одними лишь материальными благами (хотя большевики всегда только это имеют в виду, когда говорят о достижениях в своей стране). Сытый хлев, быть может, и идеальное место для животного, но он не может быть идеальным местом для человека, — по крайней мере, для человека интеллектуально развитого. Такой человек нуждается не только в тех предметах, которыми мы обыкновенно наполняем свой желудок, и не только в тех чисто бытовых удобствах, которые сокращают работу наших мускулов, — такой человек нуждается — и иногда больше всего — в такой политической атмосфере, которая дает возможность свободно выражать свои мысли — устно и печатно. Возможна-ли такая атмосфера в СССР? Если и возможна, то только тогда, когда, по образному выражению Хрущева, рак свистнет. До тех же пор, пока рак не свистнет, никаких политических свобод в СССР и в помине не будет. Не будет их по той простой причине, что свобода — смерть большевикам. Как тьма не может удержаться при восходе солнца, так и большевики не могут властвовать при наличии свободы. Это большевики прекрасно понимают, поэтому они на самоубийство никогда не пойдут.

Они могут пойти на компромиссы в разных областях, в том числе и в области материальных благ (им до известной степени даже выгоднее, чтобы население материально лучше жило), но они никогда не пойдут на компромиссы в области политических свобод. Свободу они признают только для себя, но не для других. Свобода других заключается только в том, чтобы эти другие славили их, большевиков.

Поэтому, даже если предположить, что большевикам каким-либо чудом удастся стать на одном уровне с Америкой по производству необходимых жизненных предметов, то и тогда они не догонят Америки, ибо у них не будет даже той относительной свободы, которая есть в Америке. Допустим, что большевикам удалось добыть больше угля, чем его добывается в США. Нет сомнения, что большевики по этому случаю подняли бы невероятный шум. Смотрите, дескать, мы обогнали Америку. Но получилось ли бы вследствие этого какое-либо изменение в действительности? Нет, не получилось бы. Те узники, которые добывают уголь на Воркуте, так и остались бы узниками. Количество добытого угля положения их не изменило бы. То же самое можно сказать и относительно других отраслей промышленности. При помощи рабского труда и путем постоянного понукания — почему Америку не догнать? Тем более, что Америка сейчас никуда не убегает. Промышленность в Америке сейчас идет замедленным темпом. В некоторых отраслях (например, в земледелии) даже ставятся искусственные тормоза. Почему же Америку, плетущуюся черепашьим шагом, не догнать? Но будет ли в этом подвиг? Только большевики способны приписывать себе заслуги там, где их совершенно нет.

Гораздо похвальнее, да и целесообразнее, было бы, если бы большевики начали соревноваться с Америкой в других областях, — например, в области создания культурных ценностей или же в области расширения гражданских прав. Не количеством продукции, по нашему мнению, следует козырять, а количеством свободы, если можно так выразиться. Если бы в СССР установились условия, благоприятные для свободной жизни, если бы население могло безбоязненно говорить то, что оно думает, если бы жизнь приняла здоровые, разумные и осмысленные формы, то СССР этим самым стал бы далеко впереди Америки, независимо от количества добываемых продуктов. Но, повторяем, свобода — смерть для большевиков. Это только Бакунин мог сказать, что моя свобода заключается в свободе других, что без свободы других человек не может быть свободным. Большевики этого не скажут. Как раз наоборот, они свою свободу строят на рабстве и неволе других. Волк, пожирающий овцу, именно вот такую "свободу" практикует...

Давно жил М. Ю. Лермонтов и давно умер, но он как бы предвосхитил теперешние посулы большевиков и дал верный ответ. В поэме "Мцыри" речь идет о молодом монахе, имеющем в монастыре теплую комнату, питательную пищу, удобную одежду и, главное, достаточно времени для молитв и размышлений о Боге. Ни о чем не приходится заботиться, все есть, кроме... свободы. И вот, когда этому молодому человеку в конце концов удается бежать из монастыря, скрыться в пустынной местности, где ни удобной постели, ни вкусной пищи нет, то он только тогда начинает чувствовать, что он живет. Жизненных удобств у него нет, но у него есть свобода. И впоследствии, вспоминая эти дни, проведенные чуть-ли не в обществе барсов (монах был пойман и опять водворен в монастырь), монах утверждал, что без этих дней жизнь была бы печальней и мрачней. Большевики же как раз и тешат население монастырскими условиями. Много будет того, много этого, а о свободе— ни слова.

Едва-ли такую жизнь, даже если бы и осуществилось то, что сулят большевики, можно считать жизнью. Рабство, если оно и сытое — не жизнь.

Для того, чтобы ключем била цветущая, веселая и здоровая жизнь — нужно в корне изменить систему народного хозяйства. Горе в том, что современное хозяйство— как частно-капиталистическое, так и государственно-капиталистическое — обслуживает интересы исключительно хозяев, а не потребителей. Последние если и принимаются во внимание в некоторых случаях, то только сообразно емкости их кармана. В иных же случаях (у большевиков) они

совсем во внимание не принимаются. Потребитель для большевиков никакой роли не играет, — играет роль для них только производитель. В результате этого — потребности многих жителей, даже весьма существенные, остаются неудовлетворенными, даже при наличии нужных этим людям предметов. Выше мы видели, что даже в такой стране, как США, жизненный уровень миллионов людей ниже среднего. Предметы лежат на складах, портятся, но не могут попасть в руки тех, кто в них нуждается. И не могут только потому, что у этих людей нет достаточно денег для покупки нужных предметов.

В СССР в иных случаях и деньги роли не играют. Иногда бывает так, что у человека есть деньги, есть и те предметы, в которых он нуждается, но хозяин — правительство — не желает пустить эти предметы на рынок. И получается как в басне Крылова о винограде и лисице. "А кисти сочные, как яхонты горят; лишь то беда — висят они высоко..." Нужные жителю СССР вещи часто "висят высоко."

Собственность, как видно, — смертельный враг потребителя. Право владения вещами позволяет хозяину держать вещи под замком, в то самое время, когда многие в них нуждаются. Такое положение и ненормально, и антигуманно. Ненормально — ибо мешает дальнейшему развитию промышленности (промышленность, вследствие излишков, замедляет ход), антигуманно — ибо многие люди не могут удовлетворить самых насущных потребностей.

Русская революция пошла было по пути изменения этих ненормальных явлений. Увы, недолго она шла этим путем. Лозунг "Грабь награбленное" вылился в то, что награбленное стало еще более священной собственностью. Если взять у частного владельца, скажем, булку хлеба, то за это можно попасть в тюрьму. Если же взять у государства булку хлеба, то за это можно поплатиться жизнью. Никто так строго не оберегает свою собственность, как государство.

Для тех, кто думает, что в СССР произошли изменения в правилах о собственности, что там, дескать, больше нет хозяина, а есть всенародное владение, мы приведем часть речи Хрущева, произнесенной на декабрьском пленуме ЦК, —хотя и по иному случаю.

Вот что сказал Хрущев:

"...У этих товарищей (Беляева и Кунаева*) не хватило смелости по-партийному сказать о недостатках. Поэтому, товарищи руководители Казахстана, мне хочется сказать то, о чем вы предпочли умолчать, и показать, как в республике закончен сельскохозяйственный год.

И в нынешнем году в Казахстане был выращен хороший урожай. Но в результате плохой организации работы этот урожай полностью не был убран. На 1 ноября в республике оставался нескошенным и неподобранным хлеб на площади в 1 миллион 618 тысяч гектаров. Мне известно, что казахстанцы пытаются об'яснить это по-своему, они говорят: часть хлеба попала под первый снег, а потом мы еще убирали. Но какая это уборка...

Руководители Казахской ССР говорят о том, что некоторое количество хлеба не косили якобы потому, что он не созрел. Дорогой товарищ Беляев, а почему же не созрели хлеба? Я вам скажу, почему они не созрели. У вас **18 тысяч тракторов не участвовало в весеннем севе,** потому что они не были отремонтированы. А что это значит, товарищи? Это значит, что колхозы и совхозы растянули сев. Когда надо было уже готовиться к уборке, в Казахстане только заканчивали сев. Зачем же на господа бога валить и говорить, что хлеба не созрели. Вы посейте вовремя, тогда, видимо, бог скажет — вы свое дело сделали, а я свое сделаю. Вы же посеяли поздно, а теперь говорите, что хлеб не созрел. Нельзя так! И вы ничего не сказали об этом на пленуме ЦК. 18 тысяч тракторов не отремонтированы, и они не были введены в строй, а сколько тракторов работали плохо и только числились введенными в строй?! Они вышли на поле и стали, простояли до конца сева...

Такие же недостатки имели место и в подготовке и проведении уборки урожая. По данным Министерства сельского хозяйства СССР, в колхозах и совхозах Казахстана **не участвовали в уборке урожая 32 тысячи комбайнов, 21 тысяча подборщиков и 11 тысяч жаток.** А ведь эти машины — громаднейшая сила. Если бы вы ввели их в строй, вы тогда бы убрали хлеб до снега...

Я вас, товарищ Беляев, спрашивал, что вам нужно еще для того, чтобы обеспечить своевременную уборку урожая. Вы ответили: Ничего не надо, все получили, все будет сделано.

Вот, товарищи, как обстоит дело в действительности. Так нельзя работать. Слово надо держать."

Сказанное Хрущевым характерно во многих отношениях. Во-первых, оно свидетельствует, как большевики догоняют и перегоняют Америку. (На полях в США

* Наместники Казахстана.

летом 1959 г. работало 7,400,000 человек. А сколько людей работает в колхозах? Едва-ли будет преувеличением, если сказать, что в десять раз больше. А сколько те и другие вырастили?) Во-вторых, из речи Хрущева как на ладони видно, кто является хозяином в СССР. Читая речь Хрущева, так и кажется, что это говорит всероссийский помещик, отдающий приказы и распоряжения своим управляющим и поучающий их как надо вести хозяйство. О колхозниках же — этих яко-бы хозяевах страны — в речи Хрущева — ни духу, ни слуху. Как будто бы и на свете нет этих самых колхозников.

Казахстан — владения Хрущева. Да и вся страна — владения Хрущева. Как же можно думать, что в России уже перевелись хозяева?

Ю. Капернаумов

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Февральская революция считается "бескровною" (в Петрограде — 1443 убитых и раненых в 5-дневных стычках, решивших участь царизма), но ее следовало бы назвать "женской революциею" по той простой причине, что Международный женский день — 23 февраля 1917 года совпал с возникновением забастовки ткачих в Петрограде, которая затем вылилась во всеобщую стачку, в революцию, в обвал монархии.

"Февральская революция, — отмечает Л. Троцкий, — началась с низов вопреки противодействию революционных организаций и душою ее явилась наиболее угнетенная, бедствующая часть пролетариата — ткачихи и солдатки."

Почему же высыпали на улицу ткачихи, удерживаемые за подолы подпольными вождями? Выгнала их на улицу нужда.. Война, которую генералы рассчитывали окончить в несколько месяцев (ген. Драгомиров, Лукомский и др.), затянулась на годы, потребовала невероятных жертв: в период 1915-1916 гг. в плену около 2 млн. солдат, 20 тыс. офицеров, около полумиллиона дезертиров (Родзянко). "Начав войну с 5 млн. солдат, потеряли уже 4 млн., начали войну имея 6 тыс. полевых орудий, потеряли 2 тыс. полевых и 2 тыс. крепостных... нижние чины теперь утомлены и от постоянного отступления потеряли веру в победу" — таково мнение А. И. Гучкова о положении на фронте в начале 1915 г.

В осенний призыв 1916 г. — 13-ый миллион новобранцев; 4 млн. выбывших из строя, 20 млн. вдов, сирот, стариков. На войну шли без энтузиазма: "С началом мобилизации беспорядки среди призванных прокатились довольно широкой волной по ряду местностей... Для подавления их пришлось принять крутые меры, до употребления оружия включительно..." (ген. Данилов). Царская армия, по его мнению, представляла собою сплошное море "даже не солдат, а просто мужиков, переряженных в серые шинели." И у этих мирных хлебопашцев врожденное отвращение к кровопролитию: "...если немец потребовал бы платы, так лучше заплатить по десятке с головы — а в России сколько миллионов голов, — чем убивать людей..." (Г. Максимов). И далее из его же статьи: — "Не все ли равно, под каким царем нам быть, и под немцем хуже не будет..." В. Б. Станкевич (оборонец) отмечает: "...масса русского общества никогда не почувствовала в войне своего собственного дела." Мобилизованные, по словам И. И. Наживина, говорили: "Что ж это такое, знать, нас всех положить хотят, чтобы им просторнее было? Или Рассее крышка?"... а в церквях возглашение священника: "Благочестивейшего, самодержавнейшего" прерывалось злобными криками и руганью ратников...

Царское правительство здорово обожглось на очередном таскании каштанов для Антанты, прельщавшей его Дарданеллами, Арменией, разделом Турции. Война началась без серьезной подготовки. Против 17 немецких ж.д. линий, ведущих к русской границе, Россия располагала только пятью. Немцы могли ежедневно перебрасывать на фронт 500 воинских поездов, в несколько дней сосредоточить главные силы в составе 14-17 армейских корпусов (ген. А. Куропаткин). У них было превосходство в артиллерии, амуниции, сигнализации, фортификации, в промышленности, технике, стратегии.

Россия начинала войну имея 850 выстрелов на орудие против 3000 выстрелов у Германии (ген. Лукомский). В первые же бои расстрелян запас, считавшийся достаточным на всю войну (ген. Верховский). Атаки приходилось отбивать "'почти голыми руками" (в. кн. Николай Николаевич). "Отечество в опасности — завопил воен. министр ген. Поливанов, преемник ген. Сухомлинова, отданного под суд за измену (нашли козла отпущения!) — немцы заставляют нас отступать одними артиллерийскими снарядами . . . неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами... уповаю на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя Святой Руси."

В столице же — острый продовольственный кризис: затруднена выдача хлеба даже по карточкам, взвинчивание цен спекулянтами, придерживание ими запасов хлеба, обострение товарного голода в связи с ростом цен и падением покупательной способности рабочего населения.

В первый день забастовки толпы ткачих и солдаток хлынули к городской думе с требованием хлеба. Появились красные флаги — протест против войны и бездарного правительства. Рабочие волнения не утихли, и 24-го февраля забастовала половина столичных промышленных рабочих. Кричали: "Хлеба!", "Долой самодержавие!", "Долой войну!" На Невском пр. происходили беспрерывные демонстрации с красными флагами, революционными песнями. Казаки теснили толпу. Усталые кони пенились. Демонстранты расступались, чтобы пропустить их и снова смыкали ряды. Страх исчез. В толпе понеслось: "Казаки не будут стрелять!" Появившиеся полупьяные драгуны с бранью врезались в толпу, пустив в ход сабли. Крики: "Они не станут стрелять!" и в самом деле обошлось без стрельбы.

В различных частях города действовала конная полиция, драгуны, пехота. Кричали: "Долой полицию!" и "ура!" — заколебавшимся казакам: царица ошиблась в их лояльности. Освистывали конную полицию, в нее летели камни, куски льдин, а с солдатами и казаками братались, особенно в этом преуспевали энергичные ткачихи, солдатки, дети. Когда полицейский полоснул нагайкою одну из женщин, возмущенные казаки заставили полицию удалиться.

На Выборгской стороне казаки налетели на забастовщиков. Толпа расступилась и пропустила их через проход. Смущенные братаньем офицеры отвели казаков на противуположную сторону улицы, чтобы воспрепятствовать соединению разобщенных демонстрантов. Забастовщики ныряли под брюхо смирно стоящих коней, а казаки пассивно взирали на этот маневр крамольников: им надоела война, полицейская служба, они стремились к себе домой на Дон.

Командующий военным округом ген. Хабалов приготовил план подавления революции. Столичный гарнизон состоял из 150 тысяч бойцов (два казачьи полка донцов, запасная бронированная бригада, батальон мотоциклетчиков, артиллерийские и саперные части, гвардейские, пехотные полки и т. д. — достаточно сил, чтобы стереть с лица земли столицу).

25 февраля бастовало 240 тыс. рабочих. Остановились трамваи. Магазины и лавки закрыты. В рядах забастовщиков студенты, ученики средних школ. В полдень на площади у Казанского собора — стычки с конной полициею. Большой митинг у памятника Александру III. Оратор ранен полицейским. Выстрелами из толпы убит полицейский инспектор, ранены обер-полицеймейстер и несколько полицейских. В жандармов полетели бутылки, петарды, ручные гранаты — плохое предзнаменование для блюстителй порядка. У солдат — равнодушие и даже некоторая враждебность к усмирителям. Казаки открыли огонь по конным "фараонам," обратили их в бегство. С полициею приходится драться, солдат "обрабатывают" пропагандою. Близ Гостинного двора драгуны стреляют в толпу: трое убитых и десять раненых. Угроза ген. Хабалова отправить на фронт непослушных солдат не действует на них, скорее озлобляет.

В ночь на 26-е февраля охраною (ген. Глобачев) арестовано около ста главарей забастовки: "гидру революции" обезглавили, надо было еще прихватить кое-кого из членов Гос. Думы. Царице особенно не нравились речи "Кедренского" (Керенского), которого она советовала царю повесить. Не нравился ей и проф. Милюков,

притаившийся в английском посольстве. Шеф полиции А. Васильев так и не успел осуществить замыслы царицы и сам был "пойман" и заточен в крепость "Кедренским," очутившимся на посту министра юстиции...

Заранее подписанным царем указом, извлеченным из кармана премьером Голицыным, распускалась Гос. Дума с 26 февраля с назначением ее сессии на 17 апреля 1917 года. Все это уже были только предсмертные судороги обреченного царизма. В критический день — воскресенье, 26 февраля — забастовка приняла всеобщий характер. Генеральное наступление велось с Выборгской стороны. Полицейские участки разгромили, многие городовые поплатились жизнями, а уцелевшие — спасались бегством. Выборгская сторона и Пески до Литейного проспекта — в руках забастовщиков. Потоки их из окрестностей несутся к Невскому пр. Полиция и унтер-офицеркие учебные команды открывают стрельбу по переходящим по льду забастовщикам: убито 40 человек. И столько же ранено, но они не дрогнули, не побежали и массовым напором парализовали военную силу. Произошло именно то, о чем писал П. Кропоткин в книге "Великая французская революция":

"Войску нужно противопоставить либо войско же, либо народ, — население целого города, сотни тысяч мужчин, женщин и детей, вышедших на улицу. Только они могут победить, — только они побеждали войска, лишая их бодрости духа, парализуя их дикую силу."

Глава законопослушной Гос. Думы Родзянко (боялся революции не меньше правительства) советует воен. министру ген. Беляеву пустить в ход против бунтовщиков пожарные кишки. Другой ген. Хабалов забраковал это средство: "холодный душ" не усмиряет, а возбуждает к действию..." Все еще усердствовала полиция, стрелявшая из подвалов, с крыш, с балконов домов. Солдатам приказывали стрелять в бунтовщиков. Крики из толпы: "Не стреляйте в своих братьев и сестер!" "Идите с нами!" Происходила неустанная борьба за обладание душою солдата, изнурительная, напряженная, утомительная. Скептики сомневались в успехе, но верх одержали оптимистические настроения: Выборгская сторона была очищена от полиции, там уже хозяйничали рабочие, не думали о капитуляции, армия явно склонялась на их сторону.

К вечеру 26 февраля взбунтовалась 4-я рота Павловского гв. полка, выступившая против учебной команды того же полка за стрельбу на Невском пр. Покинув самовольно казарму, 4-я рота направилась на Невский снимать с поста учебную команду. В стычке павловцев с конной полицией убит полицейский и лошадь под ним, ранен другой полицейский и лошадь. Взбунтовался весь Павловский полк, вызвали преображенцев, окружили его, но 21 павловец с ружьми ускользнули к забастовщикам.

Февральская революция происходила при минимальном участии революционных организаций социалистов-государственников, которые вплоть до большевиков (за исключением заграничной группы Ленина в 30 человек) стояли на оборонческих позициях, не одобряли забастовочного движения в военное время, были в стороне от него. По словам Л. Троцкого, не проявил инициативы и тогдашний ЦИК беков (большевиков) в лице Шляпникова, Залутского и Молотова. Вообще, революционные организации в то время были дезорганизованы репрессиями, деморализованы агентами-провокаторами. С запоздалыми прокламациями, уже после победы, выступила группа социал-демократов (Юренев) и большевистский центр (Шляпников). Массы действовали на собственный риск, без партийных вождей, выдвинули руководителей из собственной среды. Это было стихийное, анархическое движение, которым подтверждался тезис М. Бакунина о том, что русский крестьянин и рабочий — природный революционер, анархист, который не особенно нуждается в поводырях.

Успех революции обозначился ранним утром инцидентом в учебной команде Волынского гвардейского полка: фельдфебель Кирпичников застрелил ротного командира капитана Лашкевича. Весь полк поднялся и к волынцам присоединились соседние гвардейские полки — Преображенский и Литовский. Солдаты последнего с ружьями и пулеметами высыпали на улицу. Это был уже не бунт, а революция, нашедшая себе штыки. Раскрылись двери

тюрем, арсеналов, казенных учреждений, дворцов. Разгромили департамент полиции, подожгли судебные архивы, по улицам носились броневики с красными флагами и вооруженными победителями. Стрельба все еще продолжалась: "прошлое перекликалось с будущим." Стреляли и юнцы, обретшие огнестрельное оружие: из арсеналов унесли десятки тысяч браунингов.

Мотоциклетчики вздумали сопротивляться — подожгли казарму, броневики заставили их сдаться. К вечеру взбунтовался Семеновский полк, в 1905 году подавивший Московское восстание, за ним последовал Измайловский полк, в том же 1905 году разогнавший и арестовавший Совет рабочих депутатов в Петрограде. В этот день столичный 150-тысячный гарнизон — опора трона — растаял как воск.

Наконец выпустили против бунтовщиков особые ударные части под командою полковника Кутепова (впоследствии генерал, глава белых, похищенный в Париже большевиками). Не помогло: ударники разбежались, генерал очутился без армии и лавров. Капитулирует гарнизон Петропавловской крепости без единого орудийного выстрела по бунтовщикам, уже хозяйничавшим в Таврическом дворце. Здесь, в стенах ненавистной бюрократам "куцой" Гос. Думы, искали убежища бывшие министры, сановники, всякая знать, отсюда их направляли в крепость, в то самое место, где они еще недавно гноили революционеров. Это было возмездие за грехи их предков и их собственные...

Шеф полиции А. Васильев — архангел всех шпиков и провокаторов — с негодованием повествует о том, как его в крепости передали на руки его недавнему подчиненному — полковнику Иванишину, украсившему себя красной лентою через плечо с длинными бантами — символ лояльности революции. Васильева поместили в камеру с разбитыми стеклами. "'Ничего ваше превосходительство, — утешал полк. Иванишин своего бывшего принципала, — люди в вашем положении ко всему привыкают," а навещавшему заключенных Керенскому этот служака рапортовал: "Заключенные пользуются большими заботами и лучшим питанием, чем в царское время." Довелось таки начальству испытать того хлеба, которым оно угощало революционеров.

Протопопов (мин. вн. дел), Васильев и другие распутинцы, более чем кто-либо содействовавшие краху династии Романовых, винили впоследствии в этом всех, кроме самих себя: все было бы хорошо, если бы ген. Рузский послушался царя, снял с фронта четыре конногвардейских полка и перебросил их в Петроград на усмирение. Эти полки, очевидно уже разложенные фронтовой пропагандой, были, по совету Рузского, заменены тремя морскими гвардейскими экипажами. Ничто, конечно, не могло спасти смертельно больной монархии: против Николая II и его царицы восстали не только народные низы, но и верхи общества: генералитет, аристократия, и даже родня многочисленных Романовых, требовавшая устранения царицы, попавшей в лапы сибирского конокрада Распутина и его про-немецкой шайки.

Последняя потуга дряхлого ген. Иванова, прежде отличившегося на подавлении Кронштадтского восстания, оказалось бесплодной: он прибыл в Цаское село со своими георгиевскими кавалерами к похоронам монархии, утерял веру в свою чудодейственную силу. В Царском селе, как и в Петрограде обозленные солдаты даже вырыли из земли в саду Тавричевского дворца труп убитого раньше Распутина, похороненного в присутствии царя и его семьи, предали его сожжению, развеяли по ветру прах. Эта позорная церемония в прошлом применялась царями к самозванцам, важным государственным преступникам, а в 1917 году она символизировала крах династии Романовых.

Анархичность Февральской революции, прежде всего, сказалась в создании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, напоминавших древне-греческие народные собрания в агоре (общественных местах) в полисах (городах-республиках), решения которых осуществлялись уполномоченными или комиссарами (архонтами).

Прекратила существование Государственная Дума, в подавляющем большинстве состоящая из представителей верхних слоев общества с небольшой примесью социалистов. Но группа либеральных думцев (кн. Львов, проф. Милюков, Гучков и др.) явочным порядком образовала Временное

правительство, маскируя свои контр-революционные замыслы сотрудничеством с Советами: они, видите-ли, хотят помочь последним в защите революции. Рассчет же у этих "друзей" революции был простой: необычайное возбуждение народных масс должно смениться усталостью, ослаблением активности, спадом революции и тогда, как и во французской революции, истекшей кровью во внешних и внутренних войнах, сильная власть сможет наложить на революцию тяжелую руку, продиктовать ей свою волю.

Враждебность к Февральской революции скрытая, а потом и открытая проявилась не только в буржуазной среде, но и со стороны значительной части эсеров и марксистов (были, конечно, исключения). Даже самый, казалось, ярый народолюбец В. Чернов в книге о Феврале, не без дрожи в голосе, вспоминает о "море охлоса" (черни), о "помутнении сознания пролетариата," об "анархическом характере движения," "о бессильной власти и безвластной силе." "Друга народа" удручал анархический лик этого народа. Этот неудачливый селянский министр, все оттягивавший черный передел земли до Учредительного Собрания, чуть было не поплатился головою: от раз'яренных крестьян у Таврического дворца его едва спас более находчивый Троцкий.

Гениальность Ленина заключалась в его лицедействе, политическом надувательстве. В эмиграции — его заветная метча видеть Россию буржуазной республикою. Задача временного революционного правительства, по его мнению ("Две тактики"), состояла в "осуществлении программы минимум" и защищаемая им резолюция "тем самым устраняла нелепые полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы максимум..." "И в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом, по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики."

А дальше еще определеннее звучит ленинское неверие в возможность прямого перехода к социалистическому строительству силами самого пролетариата: "Марксизм, — пишет Ленин, — бесповоротно порвал с бреднями народников и анархистов будто бы можно, напр., России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через него каким нибудь путем кроме классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма..." В эмиграции Ленин не призывал к свержению капитализма: "В таких странах, как Россия, — пишет он, — рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма..."

Но очутившийся в России Ленин преображается из марксиста-минималиста в максималиста, чуть ли не в анархиста (оказывается, что скачок из царства необходимости в царство свободы возможен), но это была только ловкая игра в анархизм, временное увлечение.

Ленин, сотрудничавший с германским генеральным штабом, прибыл в Россию с его одобрения Троцкий изображает путешествие своего вождя через Германию в тонах героики аргонавтов, отправившихся на поиски золотого руна: никакой пломбы на вагоне... Ленин ставил условия немецким генералам и т. п. Генерал Людендорф противоречит всем этим утверждениям: немцы считали, что пораженческая кампания Ленина и ехавших с ним 30 товарищей будет содействовать выходу России из войны. Ленин сделал свое дело, но во время гражданской войны пожалел он о развале армии. Правда, прыткий Троцкий не растерялся, создал Красную армию под руководством приглашенных им 30 тысяч царских генералов и офицеров. Они действовали против царских же офицеров в белой армии: свои своя биша (см. книгу Л. Троцкого "Сталин," стр. 278, в англ. переводе). Ленин, конечно, рисковал своей головою; удача же сулила ему кремлевские палаты. Царские офицеры спасли диктатуру...

В день прибытия в Петроград 4 апреля 1917 г. Ленин, по словам одного из встречавших его С. И. Либермана, закатил анархическую речь (видите ли, ситуация не та, что в Швейцарии!) со здравицею Февралю и возгласом: "Вся власть Советам!" Власть Советам..., в которых партия большевиков плелась в хвосте эсеров, меньшевиков, анархистов и беспартийных.

Ни слова о диктатуре пролетариата, идее, потом позаимствованной Ильичем все у того-же сообразительного Троцкого, не предвидевшего, однако, того, что эта им изобретенная диктатура, угробит многих его товарищей и погубит его даже в надежном мексиканском укрытии. Не вызвало никакого энтузиазма у слушателей и его упоминание о мировой революции.

У слушателей появились снисходительные улыбки: товарищ слишком долго промаялся за границей, оторвался от действительности. Ни у кого не появилось мысли о том, что заигрывающий с анархическими Советами Ленин подкапывается под них и что вся эта игра закончится диктатурою над Советами.

Все тот-же Троцкий приводит отзыв Гольденберга — б. члена ЦИК(б) о тезисах Ленина: "В русской революции долгие годы пустовало кресло Бакунина, теперь занятое Лениным..." Эксцессы революции его не пугали (не из таковских!): "Разговоры о погромах и анархии в провинции звучат фальшиво с нотками коварства. Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мероприятиями?"

И еще одно свидетельство о ленинском лицедействе автора книги "В вихре революции" — участника Февраля, анархиста-мистика Е. З. Долинина (Моравского). Он ссылается на высказывания проф. Н. Алексеева (Введение в изучение права): "Анархия — это наша (русская) стихия, без которой нам тесно и страшно... Широкие массы у нас верят, что анархия есть неопровержимо лучший общественный строй," и прибавляет от себя: "Этот стихийный русский анархизм проявился очень ярко в русской революции 1917 года. Даже все русские социалистические партии, являющиеся продуктом западной культуры, являются отчасти анархическими. Даже коммунистическая партия дышала некоторое время (1917 год) этим же анархическим пафосом. Замыслы и дерзания ее были в то время грандиозными. Даже в 1918 году ее вождь Ленин, заявил открыто, что цели этой партии — ничем не отличаются от целей анархистов." Это была, конечно, демагогия, уловление в большевистские сети анархических душ, многие из них поплатились головами за свою доверчивость...

Потом Ленин подморозил Февральскую революцию, придал ей марксистское направление, зажал в тисках диктатуры, закрепостил рабочих и крестьян, но диктатура и доныне не одолела скрытой в недрах народных анархической стихии, то и дело вырывающейся наружу. Время от времени упорное умалчивание об анархизме прерывается филиппиками в советской печати против непослушной, озорничающей, бунтующей молодежи, обзываемой анархистами. И не кто иной, как Н. Хрущев заговорил об отмирании государства в связи с недавним упразднением опостылого министерства внутренних дел (т. е. Чеки), перелицованного в новое учреждение того же рода с невинным названием Комитета госбезопасности, с теми же, конечно, действующими лицами в красных околышах. Заговорили даже о замене этих околышей добровольцами-стражами, несущими полицейскую службу в порядке общественной нагрузки...

Все это в проекции будущего, а быль сов. жизни в противоречии с фантастикой Н. Хрущева: в СССР не отмирание, а утверждение полицейского государства, доказательство чему — обязательность паспортов не только в городах, но и в деревнях даже для бабушек и дедушек (грудные младенцы не в счет). В паспортном деле СССР действительно опередил все страны, вместе взятые — прямо планетарное достижение!

Паспорта выдаются не на месте самого жительства, а в райцентре. Там же их прописывают. И получение паспорта и прописка сопряжены с волокитою. "Но вот беда, — жалуется один гражданин в письме в "Известия" (17 февр. 1960 г.) — до райцентра добрый десяток километров (ох, этот русский гак!).. Или пешим ходом туда направляйся, или стой под открытым небом в ожидании попутной машины" (давай, конечно, шоферу мзду!)... Молодой человек еще может преодолеть все эти неполадки, "но ведь подобные путешествия приходится совершать и пожилым, и женщинам..."

Вряд ли даже в Китае додумались до введения в деревнях паспортной системы со всеми вытекающими из нее хождениями по мукам, но в СССР — доспели. Человек может затеряться без документа на колхозных полях, его нельзя оставить без

паспорта даже в его собственной избе. Это в капиталистических странах не проявляется забота о людях и только пуделей там снабжают ошейниками и паспортами. В СССР же человек при документе, оформлен. В этом то и вся сила хрущевского социализма: крестьянин является крепостным человеком в колхозе...

"Вольно или невольно, — пишет Д. Мережковский ("Не мир, но меч," 1914) — анархизм снова поднимет и обострит вечную антимонию Личности и Общества, Одного и Всех, которую социализм не разрешая, только устраняет. Необходимо реальное торжество социализма, чтобы идеальная сила и правда анархизма могла до конца обнаружиться..."

Вот именно теперь, казалось бы, в самое мрачное и безнадежное время, эта правда и обнаруживается: уже ощущаются подземные толчки угасшего вулкана Февральской революции, и этим, быть может, об'ясняется встревоженность советских правителей, их угрозы и размахивание ядерными бомбами, чтобы запугать не только внешнего врага, но и своих недовольных пролетариев.

Ф. Достоевский ошибся в пророчествах о гибели прогнившей западной цивилизации от неизбежной революции. Папа римский со своей 20-тысячной армией иезуитов пока устоял против Маркса и Бакунина, но не сокрушил их идей. Вопрос теперь в том, не увлекут ли кремлевцев недооценка американской мощи и марксистский мессианизм на новые авантюры, на разжигание мирового пожара. Но эта игра слишком рискованная и может иметь худые последствия для дирижеров кремлевского оркестра.

Наш идеал: свободне общество без суеверия, без хозяина, без власти.

Мы — против войны, против истребления людей ядерными бомбами.

Мы — за перманентный мир, за сосуществование, за сотрудничество и соревнование всех стран и народов.

И да здравствует великий Февраль!

Аз

РЕКЛЮ ПРЕДСКАЗАЛ ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

ОТ РЕД.: Трагические события в С.-Петербурге 9-го января 1905 г. нашли живой отклик в сердцах миллионов людей. Во многих странах в больших городах устраивались митинги, на которых выражалось сочувствие пострадавшим и, вместе с тем, осуждались действия царских властей. Такой митинг был устроен и в Париже (Обществом Друзей Русского Народа). Элизе Реклю в то время хворал, но, получив приглашение выступить на митинге, он забыл о физических недомоганиях, приехал в Париж, явился в залу собрания, взошел на эстраду, ответил поклоном на бурные аплодисменты, но произнести заготовленную им речь уже не мог, — силы не позволили.

Речь была прочитана одним из друзей Реклю. Мы помещаем эту, никогда не теряющую своей свежести речь, как взнак должного внимания к юбилейным датам — 130-летие со дня рождения Реклю и 55-летие со дня смерти, — так и потому, что многое из сказанного тогда Реклю полностью сбылось.

Дни глубокой печали — в то же время дни великой надежды. Среди вас, дети Парижа — города революций, есть, конечно, старики, которые могут напомнить вам печальный конец Коммуны, эту последнюю и самую ужасную неделю ужасного года. Много времени прошло с тех пор, более трети века, но я слышу до сих пор сухой треск митральез, каждая пуля которых пробивает голову, или грудь; тридцать тысяч голов, тридцать тысяч грудей; вижу потоки крови, самой благородной крови Франции, обагряющие воды Сены. Не казалось-ли тогда несомненным, что для Парижа эра революции закончена навсегда? Не считали-ли тогда фантазерами и безумцами тех, кто воображал еще, что мысль и воля, жажда общего блага, благородные стремления к справедливости могут еще возродиться в этом обезглавленном городе?

И однако именно эти мечтатели, упорные в своих фантазиях, оказались правы. Да, дни зверских убийств были также днями весны. Раздавив Коммуну, реакционные элементы, об'единенные и все-же бессильные, принуждены были признать "Республику." Эта республика — пустой звук, но самый звук этого слова заставляет биться сердце, и республика дорога нам, как символ, заключающий в себе элементы буду-

щего общества.

С тех пор, как было признано, что народы не зависят от "милости Божией," они открыто порвали с церковью и само государство осталось без опоры. То, что считалось исходящим свыше, установленным божественной волей, абсолютным, оказалось простым человеческим изобретением, дурно действующей машиной, которую мы сами сфабриковали и которую можем теперь изломать и бросить в хлам или сдать в археологический музей. То же явление наблюдаем мы теперь в городе Великого Петра, царской столице, совершенно лишенной революционного прошлого. Мы видим тысячи просителей, направляющихся к лицу, называемому ими "отцом." Они готовы пасть ниц и с мольбой протянуть к нему руки, как к богу! Вы знаете, как они были приняты. Член той клики, которую священник Гапон называет "гнездом гадюк," встретил голодных выстрелами из ружей и пушек! Под залпами пали рядом и рабочие, и женщины, и буржуа, и люди свободных профессий, и дети, игравшие в саду.

Конечно, трудно представить себе более ужасное зрелище, но сквозь ужасы кровавой бойни мы провидим торжествующий образ Возмездия. Согласятся с этим или нет, — Петербург сделался, подобно Парижу, революционным городом и все другие города вовлекаются им в движение. Старая Россия—не что иное, как "разбитая ваза," о которой говорит поэт. Конечно, добрые ростовщики, озабоченные участью своих миллионов, продажные журналисты и дипломаты постараются скрыть трещины, умело залепив и закрасив, "дружественные" "союзные" правительства будут попрежнему восхвалять целость разбитого сосуда... Нужды нет! Мы видим трещину, и **ближайшее будущее покажет нам Империю, лежащую в жалких обломках.** (Подчеркн. нами. РЕД.) Завтрашняя Россия будет совершенно непохожа на Россию вчерашнюю: угнетенный народ знает теперь, что так называемый "батюшка," далекий, неизвестный, таинственный владыка — не что иное, как такой же чиновник, как и все другие; народное самосознание проясняется и будущая революция подготовляется в неведомых тайниках мысли.

Перед историей стоит теперь роковой вопрос: насколько эта революция будет всеоб'емлюща, ибо, если волнения, которые следуют одно за другим, из края в край, из века в век, сходны по движению, по ритму, по глубокому смыслу их направления, то они сильно разнятся по деталям и впечатлению, оставляемому ими в памяти людей. Русская революция, подобно французской, составит, конечно, одну из великих эпох человечества. Но на этот раз речь идет не только о выступлении буржуазии; рабочий класс требует своей доли свободы точно так же, как и так называемая интеллигенция, и ему главным образом принадлежит инициатива освобождения. Крестьяне также примут участие в великом движении, ибо главная причина недовольства всего русского народа лежит в рабстве и несправедливом распределении земли. Россия, следовательно, восстанет вся целиком, до самой последней хижины.

Помимо интересов различных классов, будут иметь большое значение интересы различных народностей, различие национальных сознаний. То, что называется Россией, есть, в сущности, безграничный континент, населенный различными завоеванными и порабощенными нациями. Поляки и литовцы лишь силою удерживаются в составе Русской Империи; эсты и латыши находятся под господством немецкой буржуазии, которая сама, в свою очередь, должна переносить грубость русских чиновников; затем обширная национальность малороссов, влачащих жалкое существование, лишенных права свободно развивать свой литературный язык; затем финляндцы, которыми, наравне с другими туронскими группами — башкирами и вогулами, мещеряками, мордвой и черемисами, пополняется громадное русское войско. Буддисты — калмыки, магометане — татары, смешали свои общины с общинами православных славян — европейцев. Ко всей смеси рас, религий и наречий примешивается еще еврейский элемент, шесть миллионов людей, заключенных в черту оседлости, в городские черты, выход из коих возможен лишь для богатых. Наконец, на Кавказе грузины, которым, как и финляндцам, русские императоры клялись соблюдать полное уважение к их независимости, и армяне, также соблазненные

всякими хорошими обещаниями; обещания эти постоянно нарушаются, вплоть до ограбления их храмов и жилищ и массовых высылок на турецкую границу под турецкие пули. Дальше, в глубинах Азии, новый ряд завоеванных народов: туркмены, киргизы, монголы, буряты, несметные дикие полчища, — и все они, все ждут свободы, которую должна им дать революция.

И мы ожидаем от наших русских братьев, что в день своего собственного освобождения, они помогут также освобождению всех этих тысяч и миллионов людей, всех этих побежденных и угнетенных, и что их об'единит федеральная связь, обезпечивающая всякой человеческой личности, к какой бы расе она не принадлежала, абсолютную полноту свободы. Французская революция провозгласила в теории "права человека"; революция славянская должна сделать эти права живой действительностью. Мы предсказываем ей счастье — осуществить величайшую задачу истории на справедливых федеративных основах. Более того, именно на России лежит миссия, после постыдных действий империи на Дальнем Востоке, об'единить белый и желтый мир, прекратить рознь между Европой и Азией, которая существует со времен Дария и Александра. От России, теперешнего оффициального врага Японии, мы ожидаем естественного об'единения тех наций, которые, казалось, навсегда раз'единены вековой изоляцией. Ученые говорят нам, что аино, японский крестьянин, — родной брат русского мужика. Прекрасно! Пусть же два крестьянина Востока и Запада восстановят великую семью минувшого!

Вы понимаете, друзья мои, какие безграничные перспективы должны воодушевлять и ободрять нас. Причина русской революции — в то же время и причина всемирной революции. Никогда еще движение не носило, более полного интернационального характера; никогда еще событие мировой важности не развертывалось в таком обширном масштабе. В то время, как во всех странах мира возникают строго-националистические партии, которые хотели бы окружить свое отечество китайской стеной из гарнизонов, таможен, запрещений и предрассудков, национальная революция, силой вещей, эволюционирует в смысле всемирности, т. е. действительной свободы которая не будет более прерогативой нескольких белокожих, но правом всех людей, будь они белые, желтые или черные, или "наследственные враги" в роде немцев и англичан. И когда мы говорим о действительной свободе, мы разумеем ту, которая обеспечивает хлеб и в силу этого, смелость, радость и здоровье.

Но как получить это право? Как завоевать хлеб? Тут-то, друзья мои, нас и стараются поддеть. Право? Хлеб? Но парламентарии дадут ведь вам все это при помощи выборов, всеобщого, тайного, равного и прямого голосования. И еще... Разве вы не знаете, что уже воздвигается дивный дворец всеобщего и вечного мира? Да, мы это прекрасно знаем, но знаем также и то, что основатель этого удивительного дворца — русский царь, и что миллиардер Карнеги дает средства на его постройку. В мраморном дворце, среди шелка и бархата, будут заседать умиротворители вселенной. Но их имена не ослепят нас. Мы наперед можем предсказать, что выйдет из этого храма мира. Договоры между правительствами для того, чтобы сделать рабство отрадным для угнетенных и отсутствие хлеба — приятным для голодающих.

Еще один мавзолей, который незачем строить, потому что он все равно будет разрушен. История неопровержимо доказывает всю тщету подобных начинаний. Еще при самом возникновении своем Интернационал уже сказал нам, что "освобождение рабочих будет делом самих рабочих." А освобождение народов будет результатом революционных действий самих народов, избавившихся наконец от своих пастырей. События, которые происходят теперь в России, помогут нам понять это. Страдающие рабочие не пойдут уже больше к Зимнему Дворцу.

ЖЕЛАЮ ПРИОБРЕСТИ:

БАКУНИНА — Полное собрание сочинений. Издание "Голос Труда" Москва 1920 г. 5 том.

Н. МАХНО — Русская Революция на Украине. Изд. Париж 3 тома.

Пишите по адресу:
A. CHERNOFF
660 Riverside Dr.
New York 31, N. Y.

КРОПОТКИН О ЧЕХОВЕ

ОТ. РЕД.: В связи с исполнившимся 100-летием со дня рождения А. П. Чехова, отмеченным во всем культурном мире, считаем нужным и вполне уместным перепечатать из книги П. А. Кропоткина "Идеалы и действительность в русской литературе" отрывок из главы, посвященной Чехову.

Биография А. П. Чехова может быть рассказана в нескольких словах. Он родился в 1860 году на юге России, в Таганроге. Его дед был крепостным, но, проявив незаурядные деловые способности, выкупился от своего помещика. Отец Чехова был мелким торговцем. Чехов получил хорошее образование, — сначала в местной гимназии, а позже в Московском университете. "Я в то время не особенно разбирался в факультетах" — говорил Чехов позже в коротенькой автобиографической заметке — "не могу теперь припомнить, почему именно я выбрал медицинский факультет, но я никогда не раскаивался в этом выборе." Он не сделался практикующим врачем, но его работа, в течение года, в маленькой деревенской лечебнице около Москвы, и подобная же работа позднее, когда он вызвался заведывать медицинским участком во время холерной эпидемии 1892 года, привела его в близкое соприкосновение с целым миром людей самых разнообразных положений и характеров...

Чехов начал свою литературную карьеру очень рано. Уже в течение первых годов пребывания в университете, т. е. начиная с 1879 года, он начал писать коротенькие юмористические очерки (под псевдонимом Чехонте) для еженедельных юмористических изданий. Его талант развивался очень быстро, и симпатии, с которыми его первые сборники рассказов были встречены в прессе, а также интерес, который лучшие русские критики проявили к молодому беллетристу, несомненно помогли ему дать более серьезное направление его творческим способностям. С каждым годом он затрагивал все более и более глубокие и сложные задачи жизни, и в то же время форма его произведений становилась все более утонченной и художественно-законченной. Когда Чехов умер в 1904 году, всего сорока четырех лет, его талант достиг уже полного развития. Последние его произведения заключают в себе такие тонкие поэтические черты, в них поэтическая меланхолия так переплетена с стремлением к радостям хорошо-заполненной жизни, что можно было бы ожидать, что в творчестве Чехова откроется новая страница, если бы не было в то время известно, что чахотка быстро подтачивала его жизнь.

Никому еще до сих пор не удалось, подобно Чехову, изобразить падения человеческой природы при нашей современной цивилизации, и в особенности — банкратство образованного человека пред лицом всепроникающей пошлости обыденной жизни. Это поражение "интеллигенции" Чехов изобразил с удивительной силой, разнообразием и глубиной, и в этом заключается отличительная черта его таланта.

Если читать очерки и рассказы Чехова в хронологической последовательности, автор сначала предстает полный жизнерадостности и молодого веселья. Рассказы этого периода почти все отличаются чрезвычайной краткостью; многие из них занимают лишь три-четыре страницы; но они полны заразительной веселостью. Некоторые из них — просто фарсы, но нельзя удержаться, при чтении их, от самого сердечного смеха, так как даже самые, казалось бы, нелепые по сюжету — написаны с неподражаемой прелестью. Потом в эту среду веселого смеха понемногу вкрадываются там-и-сям черточки бессердечной вульгарности со стороны кого-нибудь из действующих лиц рассказа, и вы чувствуете, что сердце автора сжимается от боли. Понемногу, постепенно, эта нота все учащается и учащается; она все более заставляет обратить на себя внимание; она перестает быть случайной и становится органической и, наконец, в каждом рассказе, в каждой повести, она становится главною преобладающей нотой. Рассказывает ли автор об легкомысленном бессердечии молодого человека, который, "шутки ради," заставляет молодую девушку думать, что он ее любит, или об отсутствии самых простых человеческих чувств в семье старого профессора, — всегда звучит та же нота бессердечия и пошлости, то же от-

сутствие более утонченных человеческих чувств, или — что еще хуже — полное интеллектуальное и моральное банкротство "интеллигенции."

Герои Чехова — не из тех людей, которые никогда не слыхали лучших слов, или вовсе незнакомы с идеями, более высокими, чем те, которые распространены в слоях филистеров. О нет, они слыхали такие слова, и когда-то их сердца тоже бились при звуке этих слов. Но пошлая обыденная жизнь заглушила все такие стремления, апатия пришла на смену, и в удел им осталось одно прозябание изо дня в день, посреди самой безнадежной пошлости. Пошлость, изображаемая Чеховым, начинается потерей веры в собственные силы и постепенной утратой всех тех ярких надежд и иллюзий, которые составляют прелесть всякой деятельности; и тогда, шаг за шагом, капля по капле, пошлость постепенно иссушает самые источники жизни: остаются разбитые надежды, разбитые сердца, разрушенная энергия. Человек достигает такого состояния, когда он может только механически повторять изо дня в день известные действия, и валиться в кровать, радуясь, что ему удалось убить какнибудь время; им постепенно овладевает полная апатия, полное нравственное безразличие. Хуже всего то, что обилие образчиков этой пошлости, даваемых Чеховым из самых разнообразных слоев общества — при чем он никогда не повторяется — как бы указывает, что мы имеем дело с гнилостью данной цивилизации целой эпохи, раскрываемой автором перед нами.

Говоря о Чехове, Толстой сделал очень верное замечание, что он принадлежит к числу тех немногих писателей, произведения которых можно с удовольствием перечитывать. Это совершенно верно. Любое произведение Чехова — будет ли это крошечная безделка или небольшая повесть, или комедия — производят впечатление, которое не скоро забывается. В то же время произведения Чехова отличаются таким обилием деталей, что перечитывать их всегда доставляет новое удовольствие. Чехов, несомненно, был великим художником. Разнообразие мужских и женских типов из всех классов общества, появляющихся в его произведениях, и разнообразие психологических сюжетов — поистине поразительно. Но, несмотря на это, каждый рассказ носит такой отпечаток личности автора, что при чтении самого незначительного из них вы тотчас узнаете Чехова, его собственную индивидуальность и манеру, его понимание людей и явлений.

Чехов никогда не пытался писать длинные повести и романы. Его областью были небольшие рассказы, в которых он действительно был мастером. Он никогда не пытается дать полную историю своих героев, от рождения до могилы: такой прием вовсе не годится для рассказа. Он берет лишь один момент из их жизни, один случай, и рассказывает его так, что в памяти читателя навсегда запечатлевается тип изображаемых им личностей...

Чехов написал несколько рассказов из крестьянской жизни. Но они — неудачны. Крестьяне и вообще деревенская жизнь не были его настоящей средой. Его область — мир "интеллигентов" — образованной и полуобразованной части русского общества — и этот мир он знает в совершенстве. Он указывает на банкротство этой "интеллигенции," на ее неспособность разрешить выпавшие на ее долю исторические задачи мирового обновления, и на пошлость и вульгарность обыденной жизни, под гнетом которой увядает большинство этой "интеллигенции." Со времен Гоголя, еще ни один русский писатель не изображал с такой поразительной верностью человеческой пошлости во всех ее разнообразных проявлениях. Но какая, вместе с тем, разница между этими двумя писателями? Гоголь изображал главным образом внешнюю пошлость, бросающуюся в глаза и нередко переходящую в фарс, которая вследствие этого в большинстве случаев вызывает улыбку или смех. Но смех всегда — уже шаг к примирению. Чехов тоже в своих ранних произведениях заставляет читателя смеяться, но по мере того как уходит молодость и по мере того как автор начинает смотреть более серьезно на жизнь — смех исчезает; и хотя остается тонкий юмор, вы чувствуете, однако, что те виды пошлости и филистертва, которые он теперь изображает, вызывают в самом авторе не смех, а душевную боль. "Чеховская печаль" так же характерна для его произведений, как глубокая складка посреди лба на его добром лице, освещен-

ном живыми задумчивыми глазами. Более того, пошлость, изображаемая Чеховым, глубже той, котрую знал Гоголь.

Чехов лучше всех русских беллетристов понимал основной порок той массы русских интеллигентов, которые прекрасно видят мрачные стороны русской жизни, но у которых не хватает силы воли и самоотвержения, чтобы присоединиться к авангарду молодежи, осмеливающейся деятельно бороться со злом... Чехов знал — более того, он чувствовал каждым нервом своей поэтической натуры, — что за исключением горсточки более сильных мужчин и женщин, истинным проклятием русского интеллигента является слабоволие, отсутствие сильных, страстных стремлений. Может быть, он даже сознавал, что сам причастен к этому греху. И когда его однажды в письме спросили (в 1894 году), к чему должен стремиться русский человек в данный момент?—он написал: "Вот мой ответ: стремиться! он должен больше всего стремиться — приобресть силу характера. Нам достаточно надоела эта хнычущая бесформенность!"

Именно это отсутствие мощных стремлений и слабоволие Чехов постоянно и неутомимо изображал в лице своих героев. Но эта склонность к изображению подобных характеров вовсе не была случайностью, об'ясняемой лишь темпераментом самого писателя. Она являлась непосредственным продуктом эпохи, во время которой жил писатель.

Чехову, как мы видели выше, было 19 лет, в 1879 году, когда он начал свою литературную карьеру. Таким образом, он принадлежит к тому поколению, которому пришлось провести лучшие свои годы в такой обстановке, под гнетом такой реакции, которая превосходила все, что пришлось перенесть России за последние пятьдесят лет. (Это было сказано в 1910 году.—Ред.)

После трагической смерти Александра 2-го, с восшествием на престол Александра 3-го, целая эпоха — эпоха прогрессивного труда и ярких надежд — отошла в область предания. Все возвышенные усилия того молодого поколения, которое выступило на политическую арену в семидесятых годах и девизом которого было слияние с народом, были разбиты, и жертвы этого движения сидели по крепостям и тюрьмам, или были рассеяны по глухим закоулкам Сибири. Более того, все великие реформы, включая уничтожение крепостного права, которые были осуществлены в пятидесятых годах поколением Герцена, Тургенева и Чернышевского, третировались теперь, как ошибки, реакционерами, сгруппировавшимися вокруг Александра 3-го. Никогда западно-европейцу не понять глубины отчаяния и безнадежной скорби, которые охватили образованную часть русского общества... когда общество пришло к заключению, что оно не в силах победить инерцию масс или направить ход истории таким образом, чтобы заполнить пропасть между высокими идеалами и раздирающей сердце действительностью. В этом отношении, воесьмидесятые годы были, может быть, самым мрачным периодом, какой пришлось пережить России за последние сто лет. В пятидесятых годах интеллигенция, по крайней мере, надеялась на свои силы, на будущее; теперь она потеряла даже эти надежды. Чехов начал писать именно в это мрачное время и, будучи истинным поэтом, который чувствует и отзывается на все настроения момента, он сделался выразителем этого поражения интеллигенции, которое, как кошмар, нависло тогда над культурной частью русского общества. Будучи великим поэтом, он изображал всепроникающую филистерскую пошлость в таких чертах, что его изображения, помимо высокой художественности, имеют громадную историческую ценность...

Несмотря на все вышесказанное, Чехова никоим образом нельзя причислить к пессимистам в истинном значении этого слова. Если бы он дошел до отчаяния, он рассматривал бы банкротство интеллигенции, как нечто фатально неизбежное. Утешением для него служило бы какое-нибудь затасканное определение, вроде "всему конец." Но Чехов не мог удовлетвориться таким определением, потому что он твердо верил в возможность лучшего существования, верил, что оно придет. "С детства, — писал он в одном интимном письме, — я верил в прогресс, потому что разница между тем временем, когда меня секли и когда перестали — была огромна..."

АНАРХИЧЕСКАЯ КОММУНА

Наш идеал — мировая коммуна. Все человечество должно в конце концов об'единиться в одну хозяйственную единицу, вся земля должна стать единым хозяйством. Поэтому мы должны стремиться не к мелким коммунам, которые будут, конечно, существовать еще, быть может, очень долго, но к комунам большого размера, о которых говорил Кропоткин. Всего проще представить себе такую коммуну состоящей из города и прилегающего округа, вроде русского уезда.

Попытки устройства мелких коммун всегда кончались неудачей и причина всех этих неудач кроется в том, чисто психологическом факте, что мелкая коммуна слишком с'уживает горизонт человека и получается противоречие: анархист должен обладать широким кругозором и потому мелкая коммуна, просто, стесняет его, а тот, кто обладая узким кругозором, мог бы жить в пределах мелкой коммуны, только благодаря мелкому и узкому кругозору не будет анархистом.

Коммуна анархическая—коммуна крупная и этого не понимают те, которые упрекают нас в возврате к первобытному коммунизму. Русская община, община индусская могут служить примерами первобытного коммунизма. Там человек рождается, растет и умирает в одной и той же обстановке, среди одних и тех же людей.

Интересы, взгляды, воззрения, привычки всех членов первобытной общины одни и те же; каждый человек похож на другого и никто никому не мешает, никто никого не стесняет. Но в общине анархической, вообще говоря, могут встретиться люди совершенно различные, обладающие сравнительно высоким интеллектуальным развитием и потому очень отличные друг от друга.

Такие люди, чтобы жить мирно и хорошо, должны жить, если можно так выразиться, на некотором расстоянии друг от друга. Известно, что в тех случаях, когда нескольких интеллигентных людей обстоятельства заставляли жить в течение некоторого времени близко друг от друга, то между ними возникала вражда, достигавшая до ненависти. Только условиями жизни на постах в Сибири, где нескольким людям приходилось проводить месяцы никого не видя, кроме самих себя, об'ясняется возникновение такой игры, как знаменитая "Кукушка." Современный интеллигентный человек, существо сложное и ему нужен простор, ему просто будет слишком скучно, он начнет нервничать и, в конце концов, коммуна рассыплется от того, что все перессорятся, как это и бывало не раз на самом деле. Коммуна должна быть большой, чтобы в ней могли участвовать люди совершенно друг другу лично незнакомые, чтобы каждый мог, когда захочет, уйти в самого себя, остаться среди незнакомых ему людей, к которым, как к таковым, он не чувствовал бы никакого интереса, и сам не возбуждал бы его в них, ибо знакомство, интерес, каков бы он ни был, всегда возбуждают нервы, а выносить постоянное нервное напряжение слишком тяжело в наше и без того нервное время.

Человека более примитивного гарантирует от этого просто его меньшая впечатлительность, меньшая подвижность его психики. Но и экономически, меньшая коммуна менее выгодна, чем крупная, если даже не брать во внимание вопроса о характере производства, но просто с точки зрения возможности лучшего, более производительного использования имеющихся в распоряжении коммуны сил.

Такая коммуна найдет скорее возможность дать человеку подходящее занятие, но, конечно, размер коммуны может и должен возрастать, пока она, об'единяясь с другими, не составит, наконец, каплю в океане общественного об'единения.

В целом ряде трудов, Кропоткин дал примеры возможного устройства подобной коммуны и с цифрами в руках доказал полную экономическую ее осуществимость и невероятную, прямо таки баснословную ее выгодность. При этом надо строго различать коммуну анархическую от той карикатуры на нее, какую пытались, например, провести и продолжают проводить государственники-коммунисты в России. Коммуна государственная является органом государственной власти, системой круговой поруки, обезпечивающей госу-

дарству налоги и подати и облегчающей ему управление. Такая коммуна есть особая форма закрепощения и, нужно отдать справедливость большевикам, что большей ненависти к "коммунизму," чем тот, который они успели внушить крестьянину, благодаря своей "коммуне," трудно себе представить.

Коммуна анархическая ничего общего с подобной "коммуной" не имеет. Коммуна анархическая есть, прежде всего, свободное об'единение, ничего общего не имеющее ни с какой властью, ни с каким принуждением. Но кроме того, существенным отличием последней от любого об'единения экономического характера, которое проводят социалисты-государственники, является то, что анархисты идут к производству от человека, а госудрственники — к человеку от производства. Государственники поступают так: учитывается состояние современной техники, а затем создается план техники, а за тем создается план наиболее продуктивного строения промышленной системы, а затем общественность строится по плану, продиктованному в конечном счете техникой.

Что же касается индивидуума, то последний стоит в самом конце и должен быть приспособлен ко всем требованиям, какие пред'явит к нему такое построение. Таким образом мы получаем следующий ряд: техника, к ней приспособляется производство, к этим двум приспособляется общественность и, наконец, ко всем трем приспособляется сам человек. Человек в этой схеме играет роль колеса, рычага или винта, он перестает быть человеком, становится придатком ко всей машине и потому в этом построении (Автор здесь имеет ввиду СССР.—Ред.) не трудно узнать доведенный до крайних пределов буржуазно-капиталистический способ производства со всеми его особенностями, его психологией, его варварством и безобразным отношением к человеческой личности.

Совершенно иной путь у анархиста. Анархист исходит из индивидуума, затем, в зависимости от потребностей, свойств, желаний, стремлений у индивидуума строится та форма общественности, которая наилучшим бы способом удовлетворяла требованиям, исходящим от индивидуума. Затем, в зависимости от двух первых строится план производственной схемы, а затем уже выбираются те технические средства, которые дают возможность окончательного выполнения предначертаний первых трех областей.

Таким образом анархисты во главу угла ставят то, что и должно быть поставлено, — человека, а государственники — машину. Поэтому в последнем случае человек приносится в жертву тому же богу, которому покланялась и буржуазия — капиталу. Перед лицем гигантского идола — капитала, совершаются человеческие жертвоприношения, и угодить этому богу стараются два служителя — буржуа и социалист-государственник.

Только идя единственно правильным путем, тем, которым идем мы, анархисты, можно добиться того, что не человек будет служить машине, но машина будет работать на человека.

Пусть мы имеем фабрику, производящую какие либо продукты. На этой фабрике работает сто человек. Фабрика оборудована станками, работающими от какого либо... Здесь могут быть разные случаи, но мы возьмем тот из них, когда на каждом станке работает только один рабочий. Пусть, далее, будет так: сырой материал, поступая к рабочему и проходя через станок, выходит уже совершенно готовым продуктом, фабрикатом или полуфабрикатом, после чего на данной фабрике проработке не подлежит. Работа одного рабочего не зависит в данном случае от работы его соседа и с этой точки зрения безразлично — будет ли расстояние между станками в три метра или в тридцать километров. Но раз так, то те же станки и те же рабочие могут с тем же успехом работать у себя на дому. То ничтожное преимущество, которое получается благодаря скучению в одном месте многих работающих, не может перевесить отрицательных сторон фабричного способа производства в силу целого ряда гигиенических, бытовых, психологических, социальных и других особенностей, связанных с человеческим существом, если на него не смотреть как на машину.

В данном случае не может быть и речи о преимуществах крупной промышленности перед мелкой, ибо здесь нет даже самого факта такого противопоставления,

так как производство остается таким же как и раньше с технической стороны, но распределяется иначе и гораздо выгоднее, чем раньше с точки зрения человеческой.

Что же касается закупки сырья и сбыта продуктов, то мы имеем слишком много примеров в высшей мере успешной работы подобного типа со стороны артелей, кооперативов и т. п., что тут никаких трудностей не встречается.

Конечно, есть отрасли производства, где сама техника требует централизации, но и в таких случаях даже капиталистическое общество выходит из затруднения, оставляя техническую централизованность и пользуясь финансовой централизацией путем акционерных предприятий.

Во всяком случае, производств последнего типа сравнительно не так уж много, чтобы можно было позволить себе говорить обо всем производстве, как о чем то по существу имеющем тенденцию к концентрации. Таким образом, мы видим, что единственно правильный путь к разрешению вопроса о желательных социально-экономических формах общества есть путь анархический.

Мы видели также, к какому типу коммуны стоит стремиться и таким типом снова оказывается тип коммуны анархической, но не тип предлагаемый государственниками или приписываемый нам людьми ничего не понимавшими в анархизме — тип патриархальной коммуны. Коммунизм должен быть не государственным и не патриархальным, но только и только анархическим.

При современном развитии техники, анархическая коммуна всегда сумеет так распределить работу, что она перестанет быть проклятием для человека, но превратится в сознательное творчество, которому человек будет отдавать столько времени, что у него останется еще достаточно времени для создания разнообразной и красивой жизни.

В анархическом обществе не будет рабочих и паразитов, но будут только люди. Поэтому наша тактика должна включать в себя такую деятельность, которая будила бы в каждом человеке его человеческое достоинство, стремление стать полным и многогранным, а не быть жалким рабом, пресмыкающимся перед капиталистом и защищающей его сворой сторожевых псов, именуемых государством.

Поэтому социалист-государственник, одной рукой как будто освобождает, другой же закабаляет человека госудаству. Поэтому синдикалист, в его пропаганде экономического государства, не доводит освобождение до конца, ибо оставляет рабочего рабочим и не зовет его стать человеком.

Только анархист обращается к человеку, ибо видит прежде всего человека в рабочем, в крестьянине, в каждом и его борьба — борьба за человека, его общественность — общественность человеческая, а не рабочая, не крестьянская, не буржуазная.

Поэтому анархист не может никогда примириться с диктатурой, в которой он видит только наглый обман политиканов и вместе с Бакуниным он спрашивает о том, над кем же может быть диктатором рабочий, не говоря уже о полной безсмыслице такого понятия, как диктатура целого класса.

Никакая власть, никакая диктатура не может привести нас к анархическому коммунизму, и только сознательное возстание против эксплоатации, возстание, уничтожающее самую идею власти человека над человеком, только Социальная Революция, Последняя Революция, Революция Анархическая может привести нас к новой свободной и счастливой жизни.

А. Солоневич

ТЕБЯ ОСУДИЛИ...

Тебя осудили и в ржавые цепи
В застенке палач закует,
Но мысли свободной, как южные степи,
Тюремный режим не убьет.
Тебя осудили и в стены-могилу —
В сырой каземат отведут,
Но волю мятежную — грозную силу
В кровавых цепях не скуют.
Ведь мысль — это море безбрежной стихии,
Ведь мысль — это птицы полет,
И кто же для мысли даст цепи такие,
Что даже и мысль закует?!..
Тебя осудили и в ржавые цепи
В застенке палач закует,
Но мысли свободной, как южные степи,
Ни цепь, ни палач не убьет!

Петр Сергеев

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ МАКСИМОВА
1950–1960

Г. П. МАКСИМОВ

Время летит... Уже десять лет прошло с тех пор, как умер Г. П. Максимов, долгие годы редактировавший "ДТП." Максимов умер, но то, что он сказал — живет. Оно — бессмертно. И в минуты печальных размышлений, быть может, лучше всего — прислушаться, если не к голосу, то к словам Максимова. По этим соображениям и приведены ниже отрывки из брошюры Максимова "Мое социальное кредо." Прочесть их и задуматься — полезно каждому из нас.

ТАК ГОВОРИЛ МАКСИМОВ

Я верю, что дело каждого честного человека заключается в том, чтобы призывать трудовые массы не гасить огня революции, а расширять сферу его действия путем развития активности, самодеятельности и организации таких рабочих учреждений, которые, после свержения капитализма, могли бы взять в свои руки организацию свободной жизни на трудовых справедливых началах.

Я целиком принимаю лозунг Первого Интернационала: "Освобождение рабочих — дело самих рабочих," и верю в классовую борьбу, как в могущественное средство освобождения. Я верю, что пролетариат должен добиться полного освобождения только через революционное насилие, т. е. путем прямого действия против капитализма и государства, поэтому я — РЕВОЛЮЦИОНЕР.

Я верю, что только безгосударственная форма общества соответствует человеческому прогрессу, что только при такой форме общежития человечество может приобрести полную свободу, поэтому я — АНАРХИСТ.

Я верю, что анархия, как политическая форма общества, возможна только при условии полной свободы составных частей общественного организма, а не при централизации. Эту свободу может дать только принцип федерации, поэтому я — ФЕДЕРАЛИСТ, точнее — КОНФЕДЕРАЛИСТ.

Я верю, что для максимального осущест-

вления свободы и независимости в федерации последня должна состоять из первичных политических организаций. Такими организациями являются коммуны, поэтому я — КОММУНАЛИСТ.

Но в федерации не будет ни свободы, ни анархии, если внутри самих коммун не будет строго проводиться принцип свободы личности. Общество организуется для удовлетворения многочисленных и разнообразных потребностей личности, а не в целях принесения ее в жертву коллективу. Личность и ее интересы, а главное, ее свобода — основа, на которой должен строиться новый мир свободного и творческого трудового общества, поэтому я — ИНДИВИДУАЛИСТ.

Однако верю я, что недостаточно быть свободным только политически, чтобы действительно быть свободным, для этого необходимо быть свободным еще и экономически. Эта свобода, по моему глубокому убеждению, достигается только уничтожением частной собственности, организацией общего труда на основе "ОТ КАЖДОГО ПО СИЛАМ" и общего потребления на основе "КАЖДОМУ ПО ПОТРЕБНОСТЯМ," поэтому я — КОММУНИСТ.

Я верю, что анархия и коммунизм возможны только в интернациональном масштабе, я не верю в анархию и коммунизм только в одной стране. Поэтому я считаю необходимым об'единение пролетариата в **интернационал производственных союзов.** Я считаю, что только солидарное интернациональное действие пролетариата может сокрушить мир буржуазии и государства и что **только интернационал производственных рабочих союзов может заменить отходящий мир капитализма,** поэтому я — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ, для которого важна принадлежность к классу, а не к национальности, которую я, между прочим, уважаю, как коллективную личность.

Путь и методы, которыми можно уничтожить капитализм и организовать коммунизм — захват производства производственными рабочими союзами, поэтому я —СИНДИКАЛИСТ.

Люди существуют не для того, чтобы убивать друг друга, а для творчества и наслаждения, для широкой, полной, светлой и радостной жизни, основанной на свободе, взаимоуважении и труде каждого для всех и всех для каждого. Поэтому у людей ярко выражено стремление к миру, которого человечество не может добиться, так как живет в государственных и капиталистических условиях, при которых войны неизбежны. Я считаю своим долгом идти навстречу этим стремлениям, я за мир всего мира. Но я знаю, что мир человечество может приобрести только революционной классовой войной с буржуазией, победой над нею, уничтожением ее капиталистического строя и всех институций позорных и оскорбительных для свободных людей. Одной из таких институций является армия и обязательная воинская повинность. Вот почему я стою за уничтожение армии и военных бюджетов во всех странах; я борюсь против милитаризма, поэтому я — АНТИМИЛИТАРИСТ.

Исторический опыт убеждает меня, что все религии освящают и оправдывают рабство, эксплоатацию и угнетение слабых сильными, что бог всегда на стороне силы, вследствие этого религия является препятствием человеческому прогрессу. Кроме того, я не нуждаюсь в божественной морали и считаю человеческую мораль, выводимую из институтов и обычаев, самою совершенной из всех систем морали. Религия больше не имеет права на существование, я борюсь с ней, как с пережитком далекого прошлого. Я, следовательно, — АТЕИСТ.

Я верю, что наступила эпоха практического осуществления анархизма, что АНАРХИЗМ ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ ТЕОРИЕЙ И СТАЛ ПРОГРАММОЙ, и что вследствие этого анархизм вступил в КОНСТРУКТИВНЫЙ период своего развития. Я усиленно содействую этому развитию, поэтому в анархизме я — КОНСТРУКТИВИСТ.

Я не максималист в анархизме, ибо считаю, принимая во внимание все об'ективные факторы, что анархия и коммунизм НЕ МОГУТ быть осуществлены СРАЗУ во всем об'еме; но я и не минималист в анархизме, ибо считаю нецелесообразным и исторически неверным разбивать путь осуществления анархии и коммунизма на ряд последовательных ступеней, как это делают социалисты, и отвергаю программу минимум. Я стремлюсь претворить в жизнь анархизм **сегодня же,** но об'ем осуществле-

ния анархии и коммунизма я ставлю в прямую зависимость от каждого **данного** исторического момента, поэтому я в анархизме — РЕАЛИСТ.

Моя реалистическая вера в осуществление анархизма **теперь,** а не в неопределенно отдаленном будущем, приводит меня к анализу современного исторического момента во всей его совокупности и к выведению из этого анализа ВОЗМОЖНОГО об'ема, характера и формы осуществления анархического коммунизма **при данных исторических условиях.** Установление этого возможного об'ема, характера и формы анархии и коммунизма для ДАННОГО исторического момента приводит меня к признанию неизбежности ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА от капитализма к развернутому анархическому коммунизму. Поэтому осуществление анархии и коммунизма **в данный** исторический момент мне представляется возможным в форме переходного периода, который я называю КОММУНАЛЬНО - СИНДИКАЛЬНЫМ СТРОЕМ. Содержание, характер и форму этого строя я определяю нижеследующим образом.

Социальная Революция вынуждена будет считаться с тем обстоятельством, что в наследство от капитализма ей достанется промышленность неоднородная по степени развития своих отраслей. И в силу этого факта недостаточной зрелости невозможно будет немедленно КОММУНИЗИРОВАТЬ не только ряд отдельных промышленных предприятий, но и даже некоторые целые отрасли производства, как, например, земледелие.

Зрелыми для коммунизма являются те отрасли промышленности, где труд УЖЕ социализирован капитализмом и где нужно только социализировать владение. Под эту категорию подходит почти вся обрабатывающая и обслуживающая промышленность. Те же отрасли промышленности, где наряду с индивидуализмом владения существует и индивидуализм труда, как в отраслях добывающей промышленности, главным образом в земледелии, не являются зрелыми для коммунизации. В таких отраслях промышленности путь движения к коммунизму прямо противоположен пути **обрабатывающей и обслуживающей промышленности,** где этот переход совершается от коллективного труда через коллективное владение, здесь же сперва приходится установить коллективность владения и от него затем переходить к коллективному труду.

Социализация владения есть АКТ революционный, насильственный, успешность которого зависит от силы; социализация же труда есть ПРОЦЕСС, требующий для своего развития определенных условий и времени. Социальная революция, следовательно, может сразу ввести коллективизм владения во всей стране, но не в состоянии этого сделать по отношению к ТРУДУ. Коллективный же труд является главной основой коммунизма, без него коммунизм невозможен.

Вследствие этого неоспоримого факта, общество на другой день после социальной революции по необходимости будет иметь две основных, враждебных друг другу по принципу, системы хозяйства: КОММУНИСТИЧЕСКУЮ и ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКУЮ и промежуточную, переходную к коммунизму — КООПЕРАТИВНУЮ. Общество, поэтому, вынуждено будет создать такую систему взаимоотношений с миром индивидуалистического хозяйства, которая содействовала бы быстрому и безболезненному его растворению в коммунизме. Следовательно, экономическая система переходного периода характеризуется ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ДУАЛИЗМОМ, т. е. сосуществованием коммунизма с индивидуализмом, где коммунизм занимает командные позиции.

Исходя из этой, по моему, абсолютно верной предпосылки, общество переходного периода представляется мне в нижеследующем виде.

...Все отрасли промышленности, в которых труд УЖЕ социализирован капиталом, — СИНДИКАЛИЗИРУЮТСЯ, т. е. переходят в руки индустриальных рабочих организаций, об'единенных по прямой производственной линии на принципе ФЕДЕРАЛИЗМА...

...Из СИНДИКАЛИЗИРОВАННОГО производства, построенного на основе КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, слагается НАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНА. Вне этой коммуны находятся многочисленные элементы, продолжающие вести индивидуальное хозяйство: ремесленники, кустари и огромная

часть земледелия... Земледельческое хозяйство переходного периода будет представлено тремя типами: а) Индивидуальным, б) Кооперативным и в) Коммунистическим... Преобладающим типом, конечно, будет индивидуальное хозяйство, в котором будут господствовать производственные отношения, основанные на праве частного владения продуктами труда... Индивидуальные хозяйства будут, наравне с КОММУНОЙ, пользоваться транспортом, дорогами, почтой, телефоном, телеграфом, радио, школами, врачебно-санитарной помощью и другими услугами КОММУНЫ... Коммуна будет взимать за это с индивидуальных хозяйств известную долю в виде натуры. Размер этого обложения... будет определен С'ЕЗДОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ ТРУДА.

Таков экономический строй общества на другой день после социальной революции в моем представлении.

ПАМЯТИ Г. П. МАКСИМОВА

Писать о Максимове тяжело. С его смертью ушло то начало, которое об'единяло и вдохновляло его последователей.

Максимов — старый анархист-революционер, посвятивший всю свою жизнь борьбе за освобождение рабочих и крестьян. Боролся он не покладая рук — и словом, и пером. Имея высшее образование, он мог бы приспособиться к жизни так, чтобы жить припеваючи. Но такую жизнь он считал дешевым мещанством и порицал ее. Он был того мнения, что человек может быть счастливым только тогда, когда видит вокруг себя счастливых других людей, но не тогда, когда он строит свое благополучие на несчастьи других. Последний поступок он считал моральным преступлением.

В анархизме Максимов придерживался анархо-синдикалистического направления. Идея с жизнью у него не расходилась. Он старался во всех своих обыденных поступках придерживаться идейных взглядов.

Максимов отличался особым трудолюбием. Труд маляра и декоратора — тяжелый труд. Но это был его хлеб. Днем он работал щеткой, а ночью — пером. Придя с работы и закусив, он тут же садился за письменный стол. Так изо-дня в день, из года в год.

Нужно было писать передовую статью для журнала, приводить в порядок чужие статьи и корреспонденции и, в добавок к этому, работать над книгой. Занятия за письменным столом затягивались далеко за полночь. Помню, однажды я приехал в Чикаго в два часа ночи (хотел приехать днем, но вышла ошибка при посадке на автобус) — Максимов еще работал. Его письменный стол был завален разными вырезками, выписками и др. пособиями. Мне стало неловко: я помешал. Начал извиняться, но Максимов перебил: "Не беспокойтесь, товарищ, я скоро лег бы спать. Мне ведь с восходом солнца нужно вставать на работу." Моя неловкость перешла в изумление: когда же он может выспаться? — подумал я.

Кроме работы, связанной с журналом и подготовкой книги, Максимов каждый год зимою об'езжал города и веси США с докладами и лекциями. Лекции приходилось читать в разных помещениях, не всегда хорошо отапливаемых, и поездки приходилось совершать в разную погоду, вследствие чего Максимов нажил болезнь — ломбего. Природа, как видно, не терпит над собой насилия.

Лекции Г. П. звучали четко, ясно, бодро и смело, что злило большевиков. В Детройте в то время хорошо работала спаянная группа друзей "Дело Труда," занимавшаяся устройством лекций Максимова. Устроили однажды лекцию в большевистском районе. Темы лекции не помню, помню только, что она очень била красных варваров. Большевики пришли на лекцию организованно и, как водится, сразу же показали свое варварство. Когда Максимов начал хорошенько хлестать кремлевских тиранов, красный табун не выдержал: повскакивали с мест и давай дикими голосами петь опошленный ими "Интернационал." В то же время на сцену начал взбираться большевистский оратор. Поднялся настоящий бедлам. Публика готова была пустить в ход кулаки, но большевики, видя, что их затея проваливается, позорно

начали удаляться из помещения.

У Максимова оказалось изумительное самообладание и выдержанность. Чтобы не дать повода красным хулиганам утверждать, что они лекцию сорвали, Максимов продолжал говорить, не переставая ни на минуту, во время бедлама. Но когда в помещение вошли полицейские, кем-то вызванные, Максимов перестал говорить. Сделал он это тоже для того, чтобы не дать повода красной шантрапе утверждать, что анархист читает лекции под охраной полиции. Когда полицейские ушли — Максимов продолжал свою речь.

В тесном товарищеском кругу Максимов был чудесным рассказчиком и собеседником. Он выслушивал мнения других со вниманием, а если замечал некоторые неточности, давал пояснения, но так, что не чувствовалось его верховодства. Обладая широкой эрудицией, он никогда не жонглировал этим, как это иногда другие делают. Максимов всегда вел себя тихо. Даже тогда, когда кто-нибудь пытался его "задеть" — он не терял спокойствия. Все наши мелкие страсти его как будто не касались.

Максимов знал людей и умел приобретать друзей. Люто его ненавидели только большевики. Если бы они знали, каким комом он станет им в горле, они не выпустили бы его заграницу. Но тогда еще была романтика — "Вместе бьем, врозь идем." К тому же, тогда большевики еще, хотя бы отчасти, считались с голосом западно-европейских радикалов, потребовавших освобождения анархистов и выдачи им разрешения на выезд заграницу.

О книгах Максимова следовало бы написать отдельно и я надеюсь, что кто-нибудь сделает это. Я лишь отмечу здесь, что когда вышла из печати "Гильотина за работой," я немедленно же отнес ее в городскую библиотеку. Через неделю мне ответили, что книга замечательная, но что они, к сожалению, не могут ее принять в библиотеку для общего пользования. Как видно, настоящей правды нигде не любят. Только свою "правду" — буржуазную или большевистскую — признают.

Идеализм и бескорыстие Максимова лучше всего определяются следующим случаем. Товарищи, зная, как тяжело приходится Максимову, работая физически и умственно, предложили открыть небольшую лавочку, где можно было бы продавать мороженое, прохладительные напитки, газеты, журналы, открытки и т. п. и тем самым зарабатывать на жизнь. (Когда-то это практиковала Эмма Гольдман.) Максимов сначала молчал, но когда начали требовать от него определенного ответа, он сказал: "Ваша лавочка — все та же эксплоатация. Свободного времени у меня тогда окажется еще меньше, чем теперь." И отказался от предложения.

Так он продолжал работу маляра и декоратора до самой смерти. Приехал с работы и умер у порога дома. Умер честно на своем боевом посту. С его смертью и во мне что-то умерло. Теперь я не тот, каким был при жизни Максимова.

Ф. Коваленко

МОЕ ЗНАКОМСТВО И ДРУЖБА С МАКСИМОВЫМ

С Г. П. Максимовым я познакомился в бурные годы великой русской революции. Приехав летом 1917 года в Новороссийск, я вскорости начал получать пачки "Голос Труда" издававшегося в Петрограде. Все номера были содержательны, но особенно выделялись статьи Максимова, печатавшиеся в каждом номере. Из этих статей было видно, что их автор обладает незаурядными природными дарованиями.

Чем больше я читал написанное Максимовым, тем сильнее становилось мое желание лично познакомиться с ним. Вскоре представился случай. После занятия Новороссийска белыми, нам пришлось уйти оттуда. Куда податься? Конечно, в Москву, ибо оттуда, как с церковной колокольни, неслось эхо революции.

Приехал я в Москву в начале 1919 года, имея в кармане адрес редакции "Голос Труда." (Газета "Голос Труда" и книгопечатание под этим же названием, как известно, в период их расцвета существовали и в Петрограде, и в Москве.) К сожалению, "Голос Труда" в то время уже был закрыт властями и я там никого не нашел. Из затруднительного положения вывел житель соседнего дома, лично знавший

Максимова и давший мне его адрес. С первого же разговора с Максимовым я убедился, что мое мнение о нем, составленное на основании чтения его статей — верно. Передо мною стоял, хотя и не высокий, но серьезный человек, всегда приветливый и тихий. Сразу же чувствовалось, что это — большой талант.

Нашей встречей и нашим знакомством Максимов тоже был доволен. Моя должность давала мне возможность бывать во многих городах России, что способствовало установлению и скреплению связей многочисленных наших ячеек с Москвой. Много раз я встречался в Москве с Максимовым и этих встреч я никогда не забуду.

Наступил 1921 г. Большевики — мастера пачкать все святое и возвышенное, в том числе и революцию — разгромили анархическое движение. Многих товарищей арестовали. В числе арестованных оказался и Максимов. Наши встречи на время прекратились. Возобновились они лишь в 1925 году, но уже не в Москве, а в Чикаго.

Я чувствую, что я бессилен нарисовать точный портрет Максимова и дать полную оценку его творчества. Но я думаю, что и надобности нет в этом. Максимов весь виден в его небольшом, но содержательном труде "Мое социальное кредо." Даже те три строчки, которые напечатаны в № 33 "ДТП" и служат как бы эпитафом показывают, как в зеркале, нам Максимова — гуманиста и человеколюбца. "Люди существуют не для того, чтобы убивать друг друга — говорится в этих строчках — а для творчества и наслаждения, для широкой, полной, светлой и радостной жизни, основанной на свободе, взаимном уважении и труде каждого для всех и всех для каждого."

Большого гуманизма и человеколюбия трудно предположить.

Имея возможность часто встречаться с Максимовым, я знаю, что все, что он писал — исходило из глубины его души, если можно так выразиться. Вот случай, весьма характерный в этом отношении. Придя однажды к Максимову, я застал его и его жену Ольгу в большом возбуждении. Сначала я не знал в чем дело, но вскоре Максимов расскрыл загадку, предложив мне прослушать только что написанную им статью "Выстрел Гершеля Гриншпана." (Напечатана в № 104 "ДТП") Когда Максимов кончил читать — по его лицу катились слезы и весь он был как бы отражением Мировой Скорби.

Так глубоко принимал к сердцу Максимов все болезненные явления современной, далеко не благоустроенной жизни, и это, несомненно, отражалось на его нервах и на всем его здоровьи. Уже тогда приходилось опасаться за его жизнь. Долго могут жить ведь только черствые люди, большие эгоисты, но не такие чувствительные, как Максимов.

Преждевременная смерть Максимова — не только большая потеря для освободительного движения. Это — потеря и для всей русской революции, в частности — для будущих историков этой революции. Как участник всех революционных событий, Максимов знал русскую революцию по первоисточнику, а не по наслышке. Я уверен, что если бы он прожил еще несколько десятков лет, то мы имели бы книгу, если не обо всей русской революции, то о самой существенной ее части — участии низов в ней, т. е. массового населения страны. Об этом свидетельствует обширный архив, оставшийся после смерти Максимова. Максимов тщательно собирал все, что относилось к русской революции, и думал весь этот материал оформить в виде книги. Но смерть помешала.

Только одна книга из этой серии увидела свет. Это — капитальный труд Максимова "Гильотина за работой" (634 стр.), где Максимов документальными данными знакомит американского читателя (книга издана на английском языке) с "успехами" и "достижениями" красной от крови гильотины. Я уверен, что если бы в этой книге не проводилась анархическая мысль, то она была бы высоко оценена критиками и считалась бы первейшим пособием для ознакомления с русской революцией. Но совсем замолчать эту книгу критика все же не могла. Так, например, один из весьма влиятельных американских журналов включил "Гильотину за работой" в число 100 лучших книг за 1940 год.

Работал Максимов над "Гильотиной за работой" около двух лет. Работать приходилось только вечерами, так как дневные часы нужно было отдавать добыванию хлеба насущного. Я не раз удивлялся: откуда

у Максимова столько сил и энергии? Я сам принадлежу к той же профессии, к которой принадлежал и Максимов, поэтому хорошо знаю, как чувствуется после дневного труда. Придя домой и закусив, сразу же хочется отдохнуть. Максимов же, вместо отдыха, садился за письменный стол и работал до поздней ночи. Это опять таки одна из причин его преждевременной смерти.

Кроме "Гильотины за работой" Максимов также много работал над другой книгой, — толкованием и изложением учения Бакунина. Этот последний труд увидел свет уже после смерти Максимова. Мог бы Максимов, впрочем, издать книгу еще и при своей жизни, если бы он ко всему подходил с точки зрения обыкновенного "бизнессмена," а не с точки зрения моралиста. Выход книги задержался — как это часто бывает за отсутствием денег. Но однажды на конференции, состоявшейся в Нью Иорке, Максимову было предложено взять из запасного фонда 4,000 долларов. Максимов отказался взять эти деньги, так как не был уверен в возможности издания книги по техническим причинам. На заявления некоторых товарищей, что отказ от принятия денег — ошибка, Максимов неизменно отвечал, что брать деньги только для того, чтобы они находились в его руках, а не в руках других лиц—не дело анархиста. Он эти деньги взял бы только в том случае, если бы их можно было сразу же пустить в дело, т. е. отнести в типографию и заплатить за печатание книги.

Таков был Максимов. Подобных бессребренников в наше время почти что нет. Все тянутся к деньгам, стремятся завладеть ими, Максимов же, как и его учитель Бакунин, думал о деньгах только тогда, когда приходилось платить за что-нибудь. Само собой понятно, что таким людям в современном строе приходится, что называется, мытарствовать. Они не только не могут обманывать других, но и, не обманывая, не могут брать деньги от других, если они в этих деньгах в данную минуту не нуждаются.

Из вышеизложенного видно, как трудно приходилось Максимову заниматься литературной работой. Но все же он занимался: оставил после себя несколько книг и большой архив. Найдется-ли человек, который приведет этот архив в порядок? Трудно ответить на это.

В заключение должен сказать, что я горячо благодарю судьбу за то, что она свела меня с Максимовым и дала возможность прожить с ним долгие годы в дружбе и согласии. Едва-ли я найду другого такого друга. Работать вместе с Максимовым — было одно удовольствие. И я горжусь тем, что вместе с ним работал. Горжусь и тем, что оказал посильную помощь в издании его книг. Пока буду жить — буду считать Максимова самым лучшим своим другом и товарищем. Его уже нет, вот уже десять лет прошло с тех пор, как он оставил нас, но в моем воображении он всегда стоит, всегда мысленно я его вижу таким, каким я его знал. Для меня Максимов бессмертный...

Б. Еленский

ПРЕДИСЛОВИЕ К "КОЛОКОЛУ"

(Отрывок)

В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине;
Звучал на почве не родной —
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни;
А потому, что здесь язык
К свободомыслию привык
И не касался окова
До человеческого слова.

Привета с родины далекой
Дождался голос одинокий,
Теперь юней, сильнее он —
Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет,
Пока — спугнув ночные сны —
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет,
И крепко на ноги не станет!
И непорывисто смела —
Начнет торжественно и стройно,
С сознаньем доблести спокойной,
Звонить во все колокола.

Н. Огарев

П.С. В 1957 году исполнилось 100 лет со дня выхода в Лондоне первого номера "Колокола," издававшегося Герценом.

МАКС НЕТТЛАУ

(К 95-летию рождения 1865-1960)

Пруссак по происхождению, родившийся 30 апреля 1865 года в Нейвалдегге, близ Вены, в состоятельной семье, — Макс Неттлау в молодом возрасте оторвался от буржуазной среды, связав свою судьбу с международным анархическим движением.

Ученый филолог, доктор философии, в 23-летнем возрасте защитивший в Оксфордском университете диссертацию о кельтских языках, Макс Неттлау не превратился в жреца науки и вся его долгая жизнь (он умер на 80-м году жизни в 1944 году) прошла в борьбе с тем классом, из которого он вышел.

В течение многих лет прекрасные статьи М. Неттлау составляли главное содержание детройтского анархического журнала "Пробуждение." Это сотрудничество было очень ценным для журнала, повышало культурный тон, способствовало его популярности. Надо сказать, что автор этих статей в большой степени, чем сами издатели, беспокоился о судьбе и здоровьи материально хромавшего журнала. М. Неттлау нравился наш журнал, в котором не ставили преград взлетам его вольной мысли. Читатели любили старика-вольнодумца, в статьях которого отсутствовали нетерпимость, догматизм, шаблон, трафарет, и лучший памятник благодарных читателей автору это — изданная детройтцами об'емистая книга из его журнальных статей "Очерки по истории анархических идей."

Но это только один из эпизодов общественной работы этого выдающегося немецкого анархиста. Еще в большей степени М. Неттлау связан с русским анархическим движением историческими исследованиями, специально посвященными революционной деятельности великого русского бунтаря М. А. Бакунина (1814-1876). Но об этом — в другое время.

Главное значение М. Неттлау — его исторические исследования международного анархического движения. Этот усердный, кропотливый собиратель алмазов, драгоценных крупинок анархической мысли, подобно Гомеру или Геродоту заглядывал в прошлое этого движения, повествовал об его борьбе, героических делах, успехах и неудачах, указывал пути общественного развития в направлении будущего свободного общества.

Анархизм М. Неттлау многогранен, разноцветен. Он далек от фракционной грызни, партизанства, группового фанатизма, для него не существует в анархизме ни "эллина ни иудея"; анархический коммунизм, коллективизм, прудонизм, мючуализм и другие направления все это естественные ответвления великого древа анархии и все они равноправные дети будущего свободного общества.

Соотечественник М. Неттлау, Р. Рокер, отзывается о нем, как о противнике догм, лозунгов, сковывающих мысль, связывающих разум. "Неттлау, — пишет Рокер, — ненавидел деспотизм идей в такой же мере, как политический и экономический деспотизм... называл себя еретиком в анархизме." Не примыкая ни к одному из направлений в анархизме, М. Неттлау рассматривал анархические теории с чисто прагматической точки зрения: только те из них целесообразны, жизнеспособны, которые испытаны и подтверждены опытом, практикой. "Теоретически логическое может оказаться непрактичным, наткнуться на препятствия в жизни, которых никто не мог предвидеть заранее... Экономические формы должны служить цели, а не быть целью в себе... только практика может показать ошибочность теории. И не всякие успехи в развитии общества — прогресс," — таковы мысли Неттлау в изложении Рокера в его книге "Лондонские годы" (1956).

Анархизм не может быть декретируем сверху, насильственно навязываем кому бы то ни было. Революции происходят подобно стихийным бедствиям, они могут содействовать прогрессу, но насильственное вгоняние людей в рай земной или небесный, рубка голов не в духе М. Неттлау. Главное в борьбе за прогресс, за преобразование деспотического общественного строя в свободный, безвластный это — подготовка людей к его восприятию: "они (анархисты) — замечает М. Неттлау, — хотят только расчистить дорогу от всех

препятствий для прогресса: от власти и невежества, привилегии и монополии, от господства жадности и от покорности ей..." ("Пробуждение," февр.-март 1932 г.).

Выполнив эту задачу, анархисты предоставляют обитателям будущего свободного общества устройство их общественной и личной жизни соответственно своему разумению и вкусам, не считая для себя обязательными прежние теории и учения: возможно, что они покажутся нашим потомкам устарелыми, отсталыми, отжившими свое время: сомнительно, чтобы мертвые могли повелевать живым, хотя подобная мысль и прельщает некоторых поклонников старины (напр. Ле-Бона). Каков будет диапазон звучаний музыки будущего — трудно предвидеть: возможно, что это будет стройная симфония, но ее может пересилить и шумная кокофония джаза — тут уж трудно быть пророком...

М. Неттлау — большой оптимист и его вера в добрые начала человеческой души не была поколеблена даже гитлеровцами, вытурившими его из Австрии: насилием, по его мнению, нельзя навязать анархизм, "который только стремится строить на прогрессивных элементах в человеке. Эти элементы существуют на деле, ибо, начиная от пещерного жителя и вплоть до симпатичных людей нашего времени, которых каждый встречает даже в нашей жалкой жизни, всегда была потребность усилить и подкрепить эти тенденции к уходу от прошлого и к развитию в направлении к свободе и солидарности" (Пробуждение" № 16, 1930).

А для успешности пропаганды — "...надо использовать всякие оттенки и проблески либертарной, либеральной, гуманитарной и социальной мысли, импульсов, чтобы подорвать авторитет власти. Это значит, что мы, анархисты, не должны работать только в интересах известного анархического течения, но должны вступать в широкие отношения со всеми либералами, не властниками, свободомыслящими повсюду, и делать попытки зажечь любовь и стремление к свободе в широком смысле" (Там же).

Еретичность М. Неттлау выявляется и в его отношении к религии. Он не солидаризуется, повидимому, ни с Бакуниным, ни с Марксом насчет опийности религии: "Они (московские религиозные анархисты-карелинцы) существуют, и мы не являемся инквизицией для уничтожения еретиков, желающих жить по-своему" (Там же). В отношении религии, алкоголя, курения папирос и сигар, вегетарианства и мясоедения и других вредных для души и тела привычек и веществ не может быть места хирургии, то есть — запрета, принудительных мер, ибо все эти привычки — болезнь души, а не тела, кутузка тут уж мало поможет, как и декреты, которыми в СССР безуспешно пытались низвести религию.

Удивительно также, что не только Бакунин, но и гуманнейший из анархистов Элизе Реклю ратовал за закрытие церквей в явное противоречие с основными положениями анархизма, отрицающими всякое принуждение, насилие не только над личностью человека, но и его духом, признающими свободу веротерпимости. Отступление от принципа толерантности хотя бы на один градус — подрыв основ свободного общества, обратное движение в иерархическое общество. В свободном обществе не может быть двух мерок, разделения на овец и козлищ, полноправных граждан атеистов и ограниченных в правах церковников.

С религиозными заблуждениями, суевериями, нетерпимостью надо бороться средствами просвещения, пропаганды, особенно когда религия вмешивается в строительство свободного общества. Даже добродушный мечтатель-фабрикант Роберт Оуэн (1771-1858), основоположник утопического социализма, превратился в заклятого врага церкви после того, как благочестивые квакеры расстроили удачно функционировавшую социалистическую общину Ланарк, в которой, к слову сказать, побывал Николай I, гостивший в Англии. Он приглашал Оуэна в Россию, вероятно для того, чтобы основать на территории Петропавловской крепости оуэновский фаланстер, в которой потом "перевоспитывали" Бакунина...

Главное же в разрешении религиозного вопроса, как и всяких других — непременное соблюдение принципа толерантности, сохранение взаимного нейтралитета, правил честной игры. Нельзя рубить с плеча, требуется осторожный подход, стратегия

дальнего прицела.

Некоторая непоследовательность, противоречия сказываются в суждениях М. Неттлау об Э. Реклю и П. Кропоткине. "Кропоткинский анархизм кажется мне более жестким, менее терпимым, более приспособленным к практике..." (М. Неттлау в чикагском Интернац. сборнике 1931 г.). Казалось бы практичность Кропоткина и прагматический критерий Неттлау в оценке теорий анархизма вполне совпадают, сближают их обоих, но тем не менее М. Неттлау находит '"анархизм Реклю более широким, удивительно терпимым, при этом не допускающим никаких компромиссов, построенным на более гуманитарном основании." Великий географ-анархист Э. Реклю несомненно благородный, гуманный, великодушный человек, но как все таки сочетать со всем этим его религиозную нетерпимость, его угрозу закрыть церкви? Тут уж какой то ляпсус в понимании анархизма, а может быть и в данном случае М. Неттлау не согрешил против принципа толерантности, в силу которого он не осуждает москвичей-анархистов, поклоняющихся Христу и не видит ничего плохого в выпадках Реклю и Бакунина против религии.

Но опять таки — все это только личные мнения отдельных анархистов, которые могут быть одобряемы, или отвергаемы другими анархистами и не-анархистами. В самом деле, что есть истина—вот проклятый вопрос, на который не могли дать ответа ни Христос, ни Пилат. Этот вопрос, все еще дебатируется, отодвигается в будущее, а оно, как известно, покрыто пеленою неизвестности...

Хвала тебе, наш добрый, великодушный покойник Макс Неттлау!

М. С—к

ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОММУНИЗМ В УЧЕНИИ АНАРХИЗМА

Ксавье Мерлино однажды писал: "Анархисты всегда страдали и остались бессильными вследствие разногласия, никогда не прекращавшегося в их среде между индивидуалистами и коммунистами, которые так же далеки друг от друга, как северный полюс от южного, и сходятся только лишь в одном пункте: в ненависти к парламентаризму."

По моему мнению, Мерлино преувеличивает, приписывая бессилие анархистов разногласиям между коммунистами и ининдивидуалистами. Когда случаи оказывались благоприятными для действия и, главным образом, когда хотели и могли сделать что-либо практическое, забыв о разногласиях, комунисты и индивидуалисты (я говорю, конечно, о тех, кто были действительно анархистами и, следовательно, верными принципу: ни угнетенные, ни угнетатели) снова боролись бок-о-бок. Бессилие анархистов зависело от множества других причин, особенно от отсутствия немедленно годной к применению практической программы, за исключением, конечно, тех общих обстоятельств, среди которых они принуждены были действовать. Другими словами: вследствие того факта, что они были впереди своего века, они должны были больше, чем осуществлять, они должны были думать о приближении, при посредстве пропаганды, часа, когда осуществление было бы возможно.

Мерлино также преувеличивает, когда он находит, что идеи коммунистов и идеи индивидуалистов (я все время говорю, конечно, об анархистах искренних и сознательных) диаметрально противоположны.

Анархический индивидуализм, к сожалению, часто излагается лицами, которым не достает какого бы то ни было анархического чувства: буржуазными литераторами, желающими при посредстве парадоксов привлечь к себе внимание, чтобы иметь возможность с подобием успеха вступить в лоно официальной литературы; полуучеными и полу-грамотными, которым хочется произвести впечатление; больными, которым чтение непонятной литературы окончательно повредило рассудок; наконец, и хуже всего, преступниками более развитыми, и чтобы точнее выразиться, лучшими, чем обычные преступники, чувствующими необходимость оправдать свои преступления при посредстве теории. В Италии эти последние, главным образом,

окончили в недрах фашизма. Буржуазия, правительство и различные политические партии пользовались этими заблуждениями, чтобы клеветать на анархизм и слишком часто им удавалось вредить нам в глазах масс.

Я горячо рекомендую читать книгу Э. Армана: "Посвящение в анархо-индивидуализм," которую тов. Меникони перевел на итальянский язык. Это — ответственная книга, написанная одним из более признанных среди анархо-индивидуалистов, получившая общее одобрение индивидуалистов. И что ж? Читая этот труд, спрашиваешь себя, почему Э. Арман говорит постоянно об **анархическом индивидуализме,** как об особом учении, в то время, как он только то и делает, что излагает принципы общие всем анархистам, каково бы ни было их направление. Э. Арман, который любит называть себя аморалистом, на самом деле написал нечто вроде руководства анархической морали, — нисколько не анархо-индивидуалистической, а анархической вообще. — Более даже чем анархической, — морали широко человеческой, так как она основана на человеческих чувствах, делающих анархизм желанным и возможным.

Однако, сделав целые ряды оговорок по поводу сказанного Мерлино, приходится все же признать, что существование среди анархистов меньшинства, именующего себя индивидуалистами, действительно, является постоянной причиной разногласия и слабости.

Спокойное и беспристрастное рассмотрение вопроса об индивидуализме и коммунизме в учении анархизма является, следовательно, очень полезным теперь и во все времена.

Я сделаю это кратко с точки зрения **коммуниста** или **ассоциациониста,** другой сделает, если захочет, с точки зрения индивидуалиста. (Я употребляю слово ассоциационист, как равноценное слову коммунист, не из желания бесполезного нововведения, но так как предвижу возможность, что анархо-коммунисты начнут постепенно отказываться от названия коммунист, ввиду того, что оно скомпрометировано и стало двусмысленным благодаря русскому "'коммунистическому" деспотизму. Если это оправдается, мы будем иметь повторение истории со словом социалист. Мы, бывшие, по крайней мере в Италии, первыми приверженцами социализма, претендовавшими и претендующими сейчас быть истинными социалистами в широком и человеческом смысле слова, мы в конце концов отказались от этого названия во избежание всякого смешения с многочисленными буржуазными и авторитарными заблуждениями социализма, мы сможем также отказаться от названия коммунист, боясь увидеть наш идеал свободного человеческого братства, смешанным с отвратительным деспотизмом, который восторжествовал в России на известное время и который партия, вдохновленная русским примером, хотела бы навязать всем странам. Тогда явилась бы, возможно, необходимость в другом названии, служащем для отличения нас, и это могли бы быть **ассоциационисты** или **общественники,** либо какое-либо другое слово в этом же роде, хотя, на мой взгляд, слова анархист тут вполне достаточно.)

Раньше всего устраним ошибку, находящуюся в основе всего недоразумения. Индивидуалисты предполагают или говорят, как если бы они предполагали, что коммунисты (анархо-) хотят навязать коммунизм, что поставило бы их вне анархизма.

Коммунисты предполагают или говорят, как если бы они предполагали, что индивидуалисты (анархо-) отвергают всякую идею об'единения, желают борьбы человека с человеком, господства более сильного, что поставило бы их не только вне анархизма, но и вне человечества.

На самом деле коммунисты видят в свободно принятом коммунизме следствие братства и лучшую гарантию личной свободы. А индивидуалисты, действительно анархисты, являются антикоммунистами, так как они боятся, чтобы коммунизм не подчинил личности номинально тирании коллектива, в действительности же тирании партии или касты, которой, под предлогом управления, удалось бы захватить власть и распоряжаться предметами, а следовательно, и людьми, которым они необходимы. Вот почему они хотят, чтобы каждая личность, каждая группа могла свободно заниматься своей деятельностью, свободно собирать плоды ее в условиях равенства с другими личностями и груп-

пами, сохраняя с ними отношения справедливости.

Если это так, то ясно, что существенной разницы нет.

Только, согласно коммунистам, справедливость по природе своей не осуществима в индивидуалистическом строе, а, следовательно, не осуществима свобода.

Если бы весь земной шар находился в равных климатических условиях, если бы почва была повсюду равно плодородна, если бы сырой материал был повсюду распределен и находился бы под рукой, если бы работа прошлых поколений поставила бы все страны в равные условия, если бы народонаселение было бы одинаково распределено на поверхности обитаемой земли, можно было бы понять, что всякий (личность или группа) нашел бы землю, инструменты и сырой материал, чтобы работать и производить в независимости, никого не эксплуатируя и не будучи эксплоатируемым. Но условия, созданные природой и историей таковы, что нельзя себе представить, как установить равенство и справедливость между тем, кто получит бесплодный кусок земли, требующий много труда при скудном сборе, и тем, кому придется плодородный, удобно-расположенный участок; или между жителем хижины, затерянной в горах либо в болотах, и жителем города, обогащенного рядом поколений всеми произведениями культуры и человеческой деятельности.

С другой стороны, возможно ли установить теперь же коммунизм, как основу общественной жизни? Был ли бы он принят людьми, воспитанными на истории, полной борьбы между народами, классами, личностями, где каждый должен был думать о себе, чтобы устоять и не быть раздавленным? И при теперешнем состоянии общественной морали не обозначало ли бы это эксплоатации лучших и честных худшими и бесчестными? И далее, предположим. что люди захотели бы коммунизм, но как применить его в настоящее время на обширной лестнице всего мира или даже в одной нации, без того, чтобы не создать ужасного централизма и не очутиться в лапах многоголовой бюрократии неизбежно несведущей и угнетающей?

Из всего только что сказанного и из всего, что можно было бы еще сказать, я заключаю так же, как и заключали всегда истинные анархисты, что не следует рассматривать желания и стремления, как догмы законоучения, не поддающиеся изменениям, вне которых нет спасения.

Коммунизм — наш идеал!

Мы — коммунисты, так как коммунизм представляется нам наилучшим способом общественной жизни, таким, при котором может полностью осуществиться человеческое братство и полезность человеческого усилия в деле завоевания природных благ. Вот почему мы должны пропагандировать принцип коммунизма, применять его, как пример и как опыт, повсюду, во всех отраслях деятельности, где только нам представится возможность это делать. А в остальном доверимся свободе, которая всегда остается целью и традицией всего человеческого прогресса.

Э. Малатеста

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТА

Что нам известно о воскресении Христа? Единственным источником служит свидетельство евангелистов, которые, не будучи сами непосредственными свидетелями событий, передают таковые на основании слухов, ходивших тогда в народе.

Отсутствие в литературе того времени каких-либо точных сведений, лишь удостоверяет легендарность факта воскресения Христа.

Чем об'ясняется, что писатели и историки, жившие в первом веке христианства, в веке жизни Христа и зарождения первых христианских общин, — например, римский философ Сенека, историк Тацит, сатирик Ювенал, греческий писатель Плутарх, высказывания которого почти дословно заимствованы евангелистами Матфеем и Лукой, — никогда и нигде ни единым словом не обмолвились о жизни, смерти и воскресении Христа? Такие властители Римской Империи, как Тиберий, Клавдий, Нерон, Веспасиан умалчивают о каких либо серьезных событиях, происходивших на религиозной почве, в Палестине, Сирии или Малой Азии.

Почему богословы и апологеты христианства избегают трактовать воскресение

Христа, как исторический факт, а затушевывают этот вопрос искусно подобранными фразами и выражениями, смысл кототых остается темен и непонятен?

На протяжении всей жизни человечества история не знает таких противоестественных явлений, как воскресение или оживление мертвых — людей, птиц или животных.

Нет прямых свидетелей воскресения Христа, и вот почему такие ученые богословы, как иеромонах Лев (Жилле), перешедший из католичества в православие, в своем исследовании об Иисусе Назареянине говорит: "Самое воскресение Иисуса ускользает и всегда будет ускользать от исторического исследования." Известный историк христианства Э. Ренан, признающий реальность существования Христа, отрицает его чудесное воскресение и заявляет, что для историка "жизнь Христа кончается с его последним вздохом."

Свидетельства евангелистов о воскресении Христа, как они ими изложены, настолько разноречивы, что нет возможности установить согласованность или связь в передаче самого события.

Л. Толстой, посвятивший разбору догматического богословия обстоятельный труд, считает воскресение из мертвых ни чем иным, как суеверием, пришедшим к нам из язычества. Говоря о воскресении Христа, Толстой пишет: "О своем личном воскресении, как это не покажется странным, кто не изучал сам Евангелий, Христос нигде не говорит. Если, как учат богословы, основа веры Христовой в том, что Христос воскрес, то, казалось бы, меньше, чего можно желать, — это то, чтобы, Христос, зная, что он воскреснет и что в этом будет состоять главный догмат веры в него, хотя бы один раз определенно и ясно сказал это."

Дальше Л. Толстой увerждает, что перевод нашего евангелия с греческого сделан неверно и с большими ошибками. В соотвествующих местах греческих оригиналов стоят слова, которые означают в точном переводе не "воскреснуть," а "встать," "проснуться," "возстановить." Для того, чтобы по гречески обозначить понятие "воскреснуть," необходимо добавить другое слово — "из мертвых." Говоря о себе, Христос ни разу нигде не употребляет слово "из мертвых."

О том, что русский перевод нашего Евангелия, изданный в свое время Святейшим Синодом, страдает большими погрешностями и часто меняет смысл сказанных Христом слов, вводя в заблуждение религиозных людей, — теперь свидетельствует новый перевод Евангелия, сделанный епископом Кассианом (С. С. Безобразов) в сотрудничестве с проф. Карташевым, В. Раевским, проф. А. Васильевым, Н. Куломзиным и др.

Христос отрицал плотское и личное воскресение и говорил о возстановлении истинной жизни на земле, но наши богословы и отцы церкви, продолжают внушать верующим людям языческое представление о загробной жизни. Запугивая людей страхом предстоящей загробной жизни, наша церковь воздействует на человеческую психику и притупляет волю к стремлению установить хорошую жизнь на земле.

На протяжении 19 веков христианская церковь, связанная с сильными мира сего, стремится путем применения культа языческих обрядов воздействовать на человеческую душу, желая сломить ее волю и стремление к счастливой жизни в этом мире, на этой земле. Страх перед загробной жизнью и невежество, перенесенное из языческого быта, усердно продолжают культивироваться нашей церковью, доминируя до сих пор над христианским миром.

И совершенно прав был Л. Толстой, когда в своем обращении к духовенству писал о людях, принимающих на веру церковное учение: "Человек, которому в детстве внушили бессмысленные и противоречивые положения, как религиозные истины, если он с большими усилиями и страданиями не освободится от них, есть человек умственно больной. Для человека, в уме которого вложено, как священная истина, верование в сотворение из ничего мира 6000 лет тому назад, в потоп и ковчег Ноя, вместивший всех зверей, в Троицу, в грехопадние Адама, в непорочное зачатие, в чудеса Христа, и в искупительную для людей жертву его смерти, — для такого человека требования разума уже не обязательны."

А. И. Чернов

ЛЕГАЛЬНАЯ ГРАБИЛОВКА

Из всех буржуазных "свобод" самой чудовищной является свобода легального грабежа, которой во всю прыть пользуются представители так называемых свободных профессий. Если труд обыкновенного рабочего не доплачивается, то труд представителей свободных профессий в несколько раз переплачивается.

Взять, к примеру, докторов. Казалось бы, что их назначение — приносить пользу человечеству, ведя борьбу с разными болезнями. В действительности же оказывается, что доктора меньше всего заботятся о пользе человечества. Думают они почти исключительно о своей личной выгоде, вследствие чего дерут с пациентов столько, что карман не только бедняка, но иногда и состоятельного человека не выдерживает. Кроме того, лечат иногда с таким расчетом, чтобы пациент всю свою жизнь не раставался с докторскими кабинетами.

Контролировать врачей или же проверять их работу — некому. Они — свободны, сводные служители свободной профессии, следовательно могут лечить так, как им вздумается и брать за лечение столько, сколько вздумается. Для поддержания своей мощи доктора организованы не только в медицинское общество, но и имеют за собою сильную страховую компанию, которая в в случае отказа пациента платить (доктору), берет раба божьего за глотку и тащит в суд.

Вот несколько случаев.

Мой приятель, работая в атмосфере, пресыщенной химическими газами, пожелал проверить состояние своего здоровья. Застрахован он был в солидном страховом обществе. Обратился к своему так называемому семейному доктору. Тот сослался на свою чрезмерную занятость, но обещал дать другого врача, такого же мол честного, как и он сам. Другой врач положил моего приятеля в госпиталь. Началась процедура "чек-ап." Каждый день приходили в госпиталь два доктора: и тот, который делал "чек-ап," и тот, который считался семейным доктором. Последний приходил лишь для того, чтобы сказать "алло," "как чувствуешь" и "увидимся завтра." "Чек-ап" продолжалось неделю. Когда мой приятель вышел из госпиталя, то через несколько дней он получил два счета: и от того доктора, который делал "чек-ап," и от того, который приходил только для того, чтобы сказать "алло." Оба счета приятель передал страховой компании. Там сразу же поняли, что тут пахнет мошенничеством, ибо за одну и ту же работу два человека не могут получать плату. Не будь страховой компании, моему приятелю, по всей вероятности, пришлось бы покрыть оба счета, страховая же компания оплатила только один счет, а другому доктору пригрозила привлечением к ответственности, если он не откажется от своих требований.

А вот другой случай — довольно печальный. В 20-х годах молодой итальянец, на редкость красивый, заболел сифилисом. Паника! Погибла жизнь! Скорее, скорее к доктору специалисту...

Да, сказал специалист после осмотра, твое дело — дрянь, но... не падай духом, ибо ты попал к врачу, который знает как лечить эту страшную болезнь. Заплати мне 300 долларов и ты будешь здоров. 300 долларов для рабочего человека не 300 копеек, да еще в то время, когда работы было мало, но что делать? Здоровье дороже денег. 300 долларов были внесены и лечение началось. Прошел год и даже больше, а лечению нет конца. Болезнь не только не ослабевала, но усиливалась. Из красивых глаз итальянца начала точиться слеза, его голос, бархатный до заболевания, начал сипеть.

Так как сифилис считается болезнью "некрасивой," то итальянец пытался скрыть ее от других. Его друзья, однако, заметив за ним что-то неладное, настояли на том, чтобы он рассказал им всю правду. И когда он им рассказал, то некоторым из его друзей сразу стало видно, что тут не то, что надо. Послали больного к другому врачу, подтвердившему, что больной проходит неправильный курс лечения.

Как и всякий обиженный, больной вспылал гневом и во время следующего визита к своему доктору, пришел не только с долларами (доктор этого требовал), но и с револьвером в кармане. И когда доктор уже готов был сделать ему очередной укол, итальянец встал и, глядя больными, воспаленными глазами на доктора, сказал: "Вы много уколов мне сделали, теперь я сделаю Вам, хоть один." При этом он выстрелил в доктора.

Итальянца, конечно, судили. Суд, однако, его оправдал, ибо экспертизой было установлено, что уколы, которые давал доктор больному втечении года, состояли из простой дистиллированной воды.

Правда, этот случай, быть может, не попадет в рубрику легального грабежа, так как всякое мошенничество, в том числе и в области медицины, законом все же преследуется. Но сколько есть таких случаев, где мошенничества нельзя уловить, но где оно, несомненно, имеется. Вообще, если не кривить душой, а говорить правду, то надо признать, что мошенничество и личные интересы доктора вполне совпадают. Доктору, вне всяких сомнений, выгоднее, если больше больных и если больные дольше болеют. Поэтому он иногда, быть может, даже не заметно для себя, не удержится от мошеннических приемов. Мол все так делают.

Конечно, не все доктора бессовестные. Есть среди них и хорошие люди. Был когда-то в Нью-Иорке (на Секонд Аве.) доктор, который не только ничего не брал с неимущего, но сам из своих скудных средств помогал этому неимущему. Был и такой доктор в Нью Иорке, который освидетельствовал человека, напоил его чаем, угостил папироской и за это не взял ни сента. Но такие доктора — исключение. Они так же редко встречаются, как в пустыне зеленые лу-

жайки. И не потому, что душа человека совершенно очерствела, а скорее потому, что таковы условия. Врача идеалиста иногда ждут семейные недоразумения, ибо жена не всегда разделяет альтруистические чувства мужа. Кроме того, такой врач "несозвучен" ассоциации врачей, не входя в которую ни один врач успешно практиковать не может. Как ни странно, но ассоциация врачей смотрит на альтруистические поступки своего члена, как на попытку конкуренции с остальными врачами. А конкуренция между врачами строго воспрещается. Поэтому иные врачи, быть может, вынуждено сходятся на том, что "с волками жить — по волчьи выть."

Ассоциация врачей — своего рода государство в государстве. С ее мнением должны считаться не только ее отдельные члены, но и государственные деятели. Все попытки из'ять лечение из частной практики и сделать его государственным всегда пресекались в самом начале. И пресекались они в большинстве случаев потому, что такова воля ассоциации врачей. Последней выгодна частная практика, ибо она дает возможность некоторым врачам и госпиталям, богатеть.

Тысячи молодых людей ежегодно записываются на медицинские факультеты. Что же ими руководит? Благородное стремление к победе над болезнями? О, нет! Руководит ими желание, став доктором, обзавестись собственным домом, красивым автомобилем, красивой женой, загородней дачей и солидными сбережениями в банке. Может-ли при этом даже хороший человек удержаться от мошеннических приемов? Если и может, то не всегда. И вот для того, чтобы доктору хорошо жилось, чтобы его жена каталась как сыр в масле, малоимущее население должно выворачивать свои карманы. Дорого, конечно, платят и богачи, если заболеют, но для богача пять тысяч то же самое, что для бедняка пять долларов.

Не лучше обстоит дело и в области медицины. Рынок монополизирован несколькими крупными фармацевтическими компаниями. Мелкие компании если кое-где и существуют, то они не могут конкурировать с крупными. Поэтому цены на медикаменты фактически регулируются несколькими большими компаниями. Сколько хотят, столько и назначают. Как недавно выяснилось, лекарство, на производство которого компании в среднем затрачивают 14 сентов, в аптеках продается по 15 долларов. Аптеки не могут бороться против больших компаний, да они в этом и не заинтересованы, ибо фактически от этой грабиловки страдают не они, аптеки, а те, кто покупает лекарство, т. е. в большинстве случаев малоимущее население. Даже такая лойяльная буржуазному строю газета, как "НРС," возмутилась этим и в номере от 16 дек. п. г. написала передовую "Лекарства и мы," в которой, приведя баснословные барыши фармацевтических компаний, все же пытается подсластить пилюлю тем, что фармацевтические компании, мол, из своих доходов затрачивают значительную сумму на лабораторные исследования. Как будто ограбленному населению легче от того, что его деньги положат не в тот, а в другой карман.

Невольно вспоминается прежняя Россия. Подросток попал в Молдавию без гроша в кармане. Приехал он туда зайцем в вагоне из под извести. Известковая пыль раз'ела молодому искателю приключений глаза. Пришлось в Сороках обратиться в больницу. И что же? В больнице подростка приняли, обмыли, положили на больничную койку, продержали неделю, вылечили глаза, снабдили едой и деньгами, и с материнской заботой отправили туда, откуда он приехал, т. е. в родной край. Та больница была земская...

В Америке едва-ли есть такие больницы. В частную больницу бесплатно никого не принимают, а в городскую если и принимают, то мало заботятся о больном.

Кажется нигде так пагубно не отражается отсутсвие добрых человеческих чувств, как в области медицины. Медицина без этики — не медицина, а обыкновенное выколачивание денег из карманов населения. Болезнь для человека — несчастье. И вот на этом несчастьи, как и на смерти дорогого кому-то человека, другие богатеют. Разве можно придумать более жестокие поступки? Предположим, что кто-нибудь теряет самое любимое существо—жену. Горе неиз'яснимое. Человек света божьего не видит. И солнечный день кажется ему ночью. Но этот человек теряет не только жену, но и все свои сбережения. Сначала тратился на лечение жены, а потом на ее похороны. И все это прикрывается какой-то свободой. Если тянуть из кармана несчастного человека последнюю копейку считается свободой, то пусть провалится сквозь землю такая свобода. Людям нужна действительная свобода, а не свобода грабежа, легального или нелегального.

Ф. Коваленко

"Власть и Мораль"
(POWER and MORALITY)

Так называется недавно вышедшая из печати книга,написанная П. Сорокиным в соавторстве с В. Лунден. На основании многих данных авторы книги указывают, что то, что принято называть совестью или же моралью, несовместимо с властью.

Вот некоторые выдержки из этой книги.

***

Разумно ли вверять судьбу миллионов людей в руки нескольких лиц? Неужели эти лица обладают мудростью змия и чистотою голубя? Неужели они не такие же смертные, как и другие люди? Думается, что они ничем не отличаются от других людей, а быть может, в некоторых отношениях даже хуже других людей. Как же можно надеяться, что эти обыкновенные смертные, а в иных случаях даже еще большие грешники, будут справедливо оберегать счастье, свободу и мирную жизнь других людей?

Хотя современные правители и одеваются с иголочки, ежедневно бреются, кладут на лицо разные кремы и духи, знают самые утонченные манеры, но поскольку они оперируют атомными бомбами и опираются главным образом на эти

бомбы, они — дикари. Как дикарь расчитывал только на свою дубину, так и современные правители расчитывают только на бомбу. Внешний лоск и изысканные манеры некоторых современных правителей не избавляют их от тех инстинктов, которыми располагал и руководился дикарь. Власть в сущности — логовище красиво одетых дикарей, именуемых политиканами.

Малейшее знакомство, как с правителями, так и с их мерами, свидетельствует, что в правители в большинстве случаев попадают лица следующих трех категорий: 1) честолюбцы, стремящиеся к славе и возвышению, 2) психопаты, находящие удовольствие в понукании и командовании другими и 3) морально разложившиеся типы. Чего же хорошего и разумного от этих лиц можно ожидать?

Многое из того, что делают правители, если бы было сделано обыкновенным (не правителем) жителем, считалось бы тягчайшим преступлением. Убийство человека, например, — величайшее преступление. А между тем, никто столько людей не истребил, сколько истребили их правители. И их за это не то, что не осуждают, а в иных случаях даже возвеличивают.

Так как судьба человечества во многих случаях зависит от лиц, привыкших играть в солдатики, то ожидать при подобной ситуации счастья и благоденствия на земле так же невозможно, как невозможно ожидать, чтобы лев начал оберегать пасущихся на лугу ягнят. Генералам нужны войны, ибо они за это получают медали и награды...

Уголовщина... Правители — большие и малые — как будто бы существуют для того, чтобы бороться с уголовщиной. Нам на каждом шагу твердят, что если бы не правители и полицейские, то нас давно растерзали бы двуногие волки. А если бы не растерзали, то по крайней мере нас на каждом шагу грабили бы, как гоголевского Акакия Акакиевича. Действительность, однако, свидетельствует, что все нынешние уголовные акты, если они не носят узкого личного характера (ревность, например), так или иначе связаны с правителями. Все большие генгстеры, оперирующие миллионными доходами, ведомы властям. Это подтверждается тем, что власти иногда привлекают к ответственности некоторых генгстеров за неплатеж подоходных налогов. Если властям известно сколько с генгстера следует налога, то, стало быть, им известно сколько он "зарабатывает" и каким способом "зарабатывает." Почему же в таких случаях власти не наказывают генгстеров за то, что они — генгстеры? По всей вероятности, только потому, что между властями и генгстерами есть какая то связь. Об этом свидетельствует недавно обнаруженный факт, установивший связь чикагской полиции с ворами и взломщиками. Чигагские полицейские — маленькие пешки, поэтому они и вышли наружу. Те же из правителей, которые повыше обыкновенных полицейских, наружу никогда не выйдут, несмотря на то, что пороги их домов всегда обиваются воротилами из преступного мира. Где находятся роскошные виллы генгстеров? Там же, где виллы миллионеров и правителей. Они — соседи и по месту жительства, и по роду занятий.

Честному человеку так же невозможно сделать карьеру на дипломатическом поприще, как невозможно такому моралисту, как Толстой, стать завоевателем мира. Делец или предприниматель, если будет придерживаться честных правил, никогда не станет богатым. Богатство в наше время наживается в большинстве случаев путем бесчестных поступков. Пословица, гласящая, что трудом праведным не наживешь палат каменных — так же верна в наше время, как верна она была и в другие времена.

Когда один американский писатель однажды выставил свою кандидатуру в губернаторы штата Калифорния, то кто-то в шутку заметил: "Пропал человек." В этой шутке большая доля правды. Если бы этот писатель действительно стал губернатором (на выборах он, как и следовало ожидать, провалился), то население потеряло бы его и как писателя, и как человека. Раз правитель, значит, уже не человек...

Все люди станут людьми только тогда, когда не будет правителей. Тогда исчезнут и генгстеры, ибо, во-первых, не будет кому их оберегать, а во-вторых, не будет чего грабить — не будет частной собственности. Тогда люди будут руководствоваться реальными принципами, а не стремлением к личной наживе, славе, могуществу, разврату и шаганию вверх по спинам других.

Испанский Пастернак

Вот уже около 20 лет в одной из тюрем Испании томится рабочий поэт Кристобаль Альварец. Первый раз Альварец был арестован и посажен в тюрьму в 1936 году — еще до захвата власти Франко. К счастию, ему на этот раз, в силу объявленной амнистии, вскорости удалось выйти из тюрьмы. Вторично Альварец подвергся аресту в 1939 году — уже властями Франко. Счастье ему улыбнулось и на этот раз: благодаря заступничеству и ходатайству некоторых влиятельных лиц в литературных кругах, Альварецу разрешили поселиться в одной северной деревушке. Вскорости представился случай бежать во Францию, чем Альварец, конечно, и воспользовался. Во Франции, освобожденной к этому времени уже от полчищ Гитлера, подготовлялась интервенция в Испанию, подогреваемая и подстрекаемая главным образом большевиками. Альварец примкнул к интервентам. С интервенцией случилось то же самое, что случилось с восстанием поляков в Варшаве: интервенты, перейдя границу, не получили обещанной большевиками помощи и были предоставлены на "милость" Франко. Часть интервентов была расстреляна, а другая часть запрятана в тюрьмы. В числе последних оказался и Альварец. Его приговорили к 50-летнему тюремному заключению. Свой срок он может отбыть только в 1993 году. Но кто же до этого времени доживет?

Борьба за освобождение Альвареца никогда не прекращалась. Одно время казалось, что поэт будет освобожден, так как его судьбой заинтере-

совались даже некоторые правительственные лица. Франко, однако, поставил условие: Альварец может быть освобожден только в том случае, если он публично раскается в своем "грехе." От этого самобичевания Альварец отказался. Тогда ему дали понять, что он не только не будет освобожден, но и что ничто из написанного им не будет напечатано в Испании.

Друзья Альвареца, учитывая тот факт, что мировое общественное мнение все же несколько облегчило участь Бориса Пастернака, обращаются к этому общественному мнению с просьбой заступиться за испанского поэта. В обращении говорится, что писатели и поэты должны быть свободны не только в России, но и во всем мире, в том числе и в Испании.

Альварец — сын крестьянина. Родился он в Андалузии, которую в своих поэмах главным образом воспевает. До некоторой степени Альварец напоминает Есенина.

Дед — президент, внучка — анархистка

Старожилы, прибывшие в Соединенные Штаты в начале этого столетия, помнят, вероятно, что у президента Рузвельта (первого Рузвельта) была дочь Алисия, которую в шутку называли "принцессой Алисией." Шутка стала до некоторой степени символической после того, как дочь Рузвельта вышла замуж за спикера нижней палаты Лонгворта, имя которого было — Николай. Как известно, русского царя и царицу по-английски иногда называли Ники и Алис. И вот, в Вашингтоне тоже оказались Ники и Алис.

Свадьба дочери Рузвельта до сих пор считается непревзойденной. Никогда в Вашингтоне не было такой пышной свадьбы. Даже верблюды были доставлены из Африки для развлечения гостей.

У Лонгвортов через некоторое время родилась дочь, которую тоже окрестили Алисией и которую тоже в шутку называли принцессой с добавлением цифры 2. Нечего и говорить, что принцесса № 2 росла в обстановке полной роскоши и достатка. Не очень давно эта вторая принцесса Алисия скончалась. Из некролога, напечатанного в "Кэтолик Воркер," стало известно, что покойная по своим убеждениям была анархисткой. Она мало кому говорила об этом. Лишь самые близкие друзья, в том числе и издатель "Кэтолик Воркер" — Дороти Дэй, знали это. Свои принципы и взгляды на жизнь покойная выражала больше делами, чем словами: никогда не отказывала в помощи добрым начинаниям.

В только что вышедшей на английском языке книге о первом Рузвельте "Рузвельт в иллюстрациях" на одной фотографии президент снят вместе с внучкой. Милое личико девочки и рядом с ним усатое лицо Рузвельта. Глядя на эту фотографию, невольно думается: дед — президент, внучка — анархистка.

Анархизм живет

Интересно, что об анархизме говорят не только анархисты, но и некоторые лица, анархистами себя не считающие. Так, например, бывший редактор юмористического журнала "Понч" напечатал однажды статью в журнале "Эсквайр," в которой утверждал, что настоящего юмора нет ни в американских юмористических журналах, ни тем более в советском "Крокодиле," претендующем на звание юмористического. Нет настоящего юмора в этих журналах по той причине, что эти журналы кому-то прислуживают, кого-то боятся, кому-то угождают. Настоящим юмористом, по мнению б. редактора "Понч," может быть только анархист, никому не угождающий и ни пред кем не пресмыкающийся.

Такого же мнения придерживается А. Морган, инженер по профессии. Во время его лекционного турне по странам Азии и Африки его неоднократно спрашивали — как быть? Что нужно делать, чтобы жизнь стала лучше и красивее? Морган отвечал, что жителям азиатских и африканских стран прежде всего нужно полагаться на себя, а не на "варягов" в лице американских дельцов и советских "освободителей." Независимость нации и независимость отдельных личностей, составляющих нацию — первейшее условие, при котором, по мнению Моргана, жизнь станет лучше.

Теперь А. Морган живет в штате Охайо. Недавно он написал книгу "Малые поселки," в которой доказывает необходимость и практическую выгоду децентрализации больших городов. Большие города — рассадники всяких социальных язв, поэтому они, по мнению Моргана, должны быть расселены. Об этом же говорится и в анархической литературе. Как видно, стоит только кому-нибудь заговорить о чем-либо хорошем и полезном — немедленное же совпадение с анархизмом.

Совпадение с анархизмом можно найти и в книгах: "Все начала от Колумба," "Все начала от Европы," "Все начала от Евы" и "Все начала от К. Маркса." Автор этих книг — бывший профессор английской литературы.

Другой профессор, Эшлей Монтаг, недавно написал книгу "Конкуренция и Кооперация," которую посвятил П. Кропоткину. Эта книга допущена во все университеты. Таким образом, студенты имеют возможность знакомиться, если не прямо, то хотя бы косвенно с анархизмом

Действительно: гони природу в дверь — она влетит в окно. Как ни искажают, как ни зажимают анархизм, но он тем или иным путем просачивается в жизнь. Не все люди изверги и не все головорезы. Есть и хорошие люди. И как только на общественной арене появляется хороший человек — начинают показываться ростки анархизма.

А. Л.

Мысли атеиста

Ной после потопа ничего лучшего не мог придумать, как наквасить вина, напиться до потери сознания, свалиться с ног и заснуть в таком виде, какой не приличествует пожилому мужчине. Тем не менее, он проклял своего сына Хама за то, что тот усмехнулся при виде пьяного отца в неприличной позе. Вылитое на голову Хама проклятие было бы понятно, если бы напился и учинил неприличный поступок Хам, а не Ной. А так — не вяжется с логикой. Неужели над пьяным человеком нельзя посмеяться? Кажется, что во время ссоры или перебранки люди должны бы называть свого противника Ноем, а не Хамом.

Если принять во внимание, что когда-то сам Бог уничтожил всемирным потопом всех людей, то такие головорезы, как Наполеон, Бисмарк, Гитлер и Сталин покажутся паиньками. Они тоже много людей уничтожили, но все же до всемирного истребления еще не дошли. Правда, наказал Бог людей за их грехи, как это уверяют нас. Но кто же повинен в том, что люди грешат? Ведь они, по преданиям библейским, сотворены Богом. Зачем же Бог наградил их дурными качествами. Не лучше-ли было бы наделить людей только хорошими качествами. Пусть бы жили и целовались как голубки. Ведь всемогущему Богу сделать это — что плюнуть. Почему же он этого не делает? Почему люди до сих пор творят так много разных пакостей? Ведь известно, что без воли Бога даже волос с головы не падает. Стало быть, если кто-то снимает кому-то голову, то делается это с согласия Бога.

Можно-ли представить отца, который начал бы истреблять своих нерадивых детей, вместо того, чтобы их вразумлять? Такого отца быть не может. (Ной тут в счет не идет.) А если бы и оказался такой изверг, то от него все отшатнулись бы, как от чумы. А вот Бог, видя и зная, что его дети грешат, вместо того, чтобы вразумить их, взял да и залил их водою. Если бы это было сделано дьяволом — было бы еще понятно. Дьявол ведь кроме зла и вреда ничего другого не делает. Но это было сделано добрым и всемилостивым Богом. Непонятно...

Непонятно так же, зачем нужно было наказывать людей за их попытку построить башню до неба. Если на небе хорошо, если там, в самом деле, находится рай, то зачем скрывать его от людей? (Как это теперь делают большевики.) Пусть бы люди по ступенькам своей башни добрались до неба. Пусть бы убедились, какая благодать царит на небе, — тогда, быть может, они и на земле начали бы строить такой же рай. Тогда, быть может, мы и не знали бы того, что творится теперь на свете. Нет, слишком уж какой-то ревнивый этот хозяин рая. Только чтобы ему было хорошо, а люди пусть душатся на земле.

Неизвестно, как он поступит теперь в связи с разными спутниками и лунниками.

Ф. Коваленко

ПИСЬМО ИЗ МОНТРЕАЛА

Дорогие товарищи. Я получил два номера "ДТП" за что благодарю. Жаль, что наши старые товарищи уходят в небытие ,а новых — нет. Вся новая, так называемая красная эмиграция, ничем не интересуется, кроме личных дел. Так, видимо, их воспитала ленино-сталинская школа. Люди эти ничему не научились и ни к чему не стремятся. Они того не знают, что выскочили из огня и попали в полымя. Некоторые из них стараются догнать и перегнать канадских капиталистов. Пускаются на разные способы — иногда весьма не красивые — лишь бы нажить богатство. Но догнать капиталистов не так то легко. Капиталист иногда может прикинуться добряком и помочь нуждающемуся, но если этот нуждающийся, окрепнув и став на ноги, попытается конкурировать с капиталистом, то вместо поддержки со стороны капиталиста, он получит отпор. Так случилось и с некоторыми Ди-Пи, пустившимися вскорости же по приезде в Канаду в коммерцию. Сначала их дела как будто бы пошли хорошо, но потом некоторые из них разорились. Были даже случаи помешательства и самоубийства. Эти близорукие люди никак не могут понять, что их враги не только большевики, но и капиталисты. Всякое правительство, как бы оно себя ни называло, враг рабочих и крестьян.

Хотелось бы посоветовать этим людям читать безвластническую литературу, открывающую и освещающую путь к светлой жизни, но разве они послушаются? Книга, по их мнению, нечто лишнее в жизни, а о безвластии они никакого понятия не имеют. Так, вероятно, они уж будут жить... Как те существа, про которых ни песен не споют, ни в сказках не расскажут.

При сем прилагаю чек в сумме 5 дол. на поддержку нашего общего дела и желаю вам, товарищи всего наилучшего.

Г. Р.

КТО ЗНАЛ А. ШВАБА?

В декабре месяце 1959 г. в Лос Анжелос, Кал., скончался на 61 году своей жизни А. Шваб. Покойный, по его словам, родился в Приволжском крае. Там у него остались жена и двое сыновей.

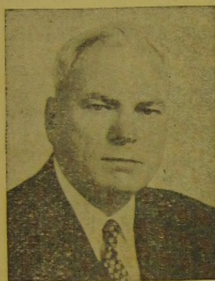
Когда Шваб приехал в Америку — неизвестно. Сначала он жил в Сан Франциско, где состоял членом Союза Русских Рабочих, потом — кажется, это было в 1932 г. — переехал на жительство в Лос Анжелос. Здесь он принимал активное участие в либертарном движении. Был членом Русского Прогрессивного Клуба, входил в состав группы "Мэн," поддерживал все безвластнические издания, выходящие как на английском, так и на других языках.

Если кто-нибудь из читателей "ДТП" знал покойного больше, чем я, то весьма желательно, чтобы он поделился своими сведениями на страницах журнала. Умерший т. Шваб, несомненно, заслуживает того, чтобы о нем было сказано больше. Он до конца своих дней был предан нашему движению.

А. Л.

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

Т. Д. Шумович

Т. Д. Шумович

30 ноября 1959 г. члены детройтских прогрессивных организаций — Профсоюза, Кооперативного Общества, 72 отдела РООВА и Русско-Американского Гражданского Клуба — похоронили своего долголетнего соратника и преданного работника на культурно-просветительной ниве — Терентия Демьяновича Шумовича. Согласно воле покойного, похороны носили гражданский характер. Не было и надгробных речей. Это тоже была воля покойного, придававшего больше значения делу, чем словам.

Родился Шумович в марте месяце 1895 г. в местечке Малец, Пружанского уезда, Гродненской губернии. В Америку приехал в 1912 г. — Сначала жил в Канаде, а потом переселился в США. Т. Шумович прошел обычный путь эмигранта: тяжелая работа, низкая плата, убогие жизненные условия. Правда, по сравнению с деревенской жизнью эти условия тоже казались чем-то хорошим. Но так казалось только на первых порах. По прошествии же некоторого времени и в силу ознакомления с жизнью коренного населения, — всем хотелось лучших условий. К сожалению, не все избирали правильный путь к лучшему. Большинство прельщалось чисто внешней мишурой: нарядами и разгульной жизнью. Выпить, поиграть в карты или покатать бильярдные шары — в этом было их развлечение, а часто и весь смысл жизни. Находились и такие, для которых весь смысл жизни был — доллар. Лишь бы побольше иметь в банке, думали они, а все остальное неважно. Лишь немногие приходили к заключению, что без света и знания человек далеко не уйдет. Сколько бы долларов он ни имел, как бы щегольски ни одевался, но если он невежда — он брат слепца. К этим последним, т. е. понявшим цену знания, принадлежал и Шумович.

Когда в 1917 г. Шумович появился в Детройте — он уже был сознательным человеком. К этому времени он уже успел прочесть много литературы, открывшей ему путь к истине и правде. В то время во всех городах быстро возникали Союзы Русских Рабочих. Возникли они и в Детройте и Шумович сразу же стал членом одного из СРР. Когда СРР были разгромлены Палмером, Шумович начал активно работать в подпольных группах, а когда организовался Профсоюз — организация культурно-просветительная, ставящая своей целью: жить по-человечески, а не по-скотски и не по-дурацки — Шумович примкнул к Профсоюзу. Долгие годы он выполнял должность финансового секретаря и казначея этой организации. И выполнял успешно. Касса Профсоюза не была пуста, ибо в случае чего — Шумович сам жертвовал в кассу и других призывал делать то же самое.

В 1925 г. Шумович вступил в Кооперативное Общество, так как смотрел на кооперацию, как на применение на практике идей взаимной помощи. В Кооперативном Обществе он занимал разные должности, но больше всего (свыше 25 лет) нес ответственную должность контролера кассы. Своим трудолюбием и прилежностью он давал пример другим, как можно устроить жизнь на свободных кооперативных началах. На организацию РООВА он тоже смотрел, как на применение на практике идей взаимной помощи, поэтому, когда в Детройте создался 72 отдел РООВА — Шумович был в первых его рядах. Страховка его мало интересовала; больше всего его интересовало то, чтобы более способные и более имущие члены РООВА помогали менее способным и менее имущим и таким образом внедряли в своих рядах идею равенства и братства. Не оставлял без внимания Шумович и того, что принято называть духовной пищей. Пожалуй, этому он больше всего уделял внимания. Каждый человек, в каких-бы организациях он ни состоял и какими-бы делами ни занимался, должен, по мнению Шумовича, вкушать духовную пищу. Без духовной пищи человек черствеет, застывает на одном месте и не идет в ногу с прогрессом. Поэтому Шумович был большим поклонником печатного слова. Из своего личного опыта он знал, что может дать человеку печатное слово. Как и большинство из нас, он никакого образования на родине не получил. Приехал в Америку только с молодыми и выносливыми мускулами, но без всякого знания. И все то, что он потом узнал — было результатом чтения книг, газет и журналов. Как-бы отдавая долг печатному слову, открывшему ему глаза, — Шумович на протяжении значительной части своей жизни весьма активно распространял журнал "ДТП."

В Русско-Американском Гражданском Клубе Шумович тоже принимал активное участие, ибо смотрел на эту организацию не как на политическую ячейку, а как на воспитательный центр, где можно устраивать хорошие лекции и иметь разумные развлечения.

Хочется закончить эти строки — весьма бедные и весьма бледные для того, чтобы нарисовать портрет покойного товарища Шумовича — словами поэта:

"Много он вынес душою,
С детства привыкший бороться с судьбою.
Пусть же, зарытый землею,
Он отдохнет от забот и волненья
Этот апостол труда и терпенья..."

Земляк

ЯДВИГА БОЯРСКАЯ

В октябре месяце прошлого года недалеко от Нью Иорка (в Пиксkил) умерла на 78 году жизни Ядвига Боярская. Покойная была сестрой известных в безвластническом движении братьев Мурашко.

С. ФАРБЕР

20-го февраля с. г. в Майями, Флорида, умер С. Фарбер, весьма активно работавший в еврейском радикальном движении. Последние восемь лет покойный редактировал "Справедливость"— журнал на еврейском языке, издающийся юнионом дамских портных. По своим убеждениям Фарбер примыкал к самым левым кругам.

ПИСЬМО ИЗ ДЕТРОЙТА

Уваж. товарищи. Посылаем вам 88 д. 50 с., из которых 16 дол. — выручка от продажи № 60 "ДТП," а остальные — пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: Г.М., Д.Т., К.К., Г.И. и П.К. по 10 дол., А.К. 5 дол. **Сан Франциско:** Н. Г. 10 дол., **Майями:** Ф. К. 5 дол., **Балтиморе:** М. Жук 2 д. 50 с. (за журнал).

Вместе с тем считаем нужным сказать несколько слов по поводу вопроса, часто нам задаваемого: должен-ли анархист нашего времени быть прообразом анархиста будущего свободного общества? Да, должен. Это нужно не ради нас самих, а ради торжества анархии. Желательно, чтобы каждый анархист был светлым человеком. Тогда большинство народа примкнет к анархистам.

Надо помнить, что анархист нашего времени — не только человек, считающий ненужным и вредным государство и частную собственность,— это, вместе с тем, человек, который придерживается совсем иной нравственности и имеет понятия, не похожие на понятия буржуа.

Если человек, отрицающий частную собственность и государство, является завистливым и ненавидящим своих единомышленников, в чем-либо с ним не соглашающихся, то такой человек, что бы он ни говорил о необходимости исчезновения государства и сколько бы раз в день он ни называл себя анархистом — не анархист. Ибо он одни приказы желает заменить другими приказами.

Анархистом является только тот, кто, помимо отрицания государства и собственности, проникся чувством солидарности и дружества, и кто ныне же старается воплотить в жизнь сущность анархизма.

Таков, по нашему мнению, должен быть ответ на выше приведенный вопрос.

В заключение этого письма следует заметить, что в марте месяце 1961 года исполнится 50 лет со дня выхода первого номера "Голоса Труда" — первой анархической газеты в США на русском языке. В нашем распоряжении почти год, есть возможность подготовить материал и собрать достаточно средств для того, чтобы выпустить юбилейный номер "ДТП" в увеличенном размере. Просим товарищей высказать свое мнение об этом важном событии.

Профсоюз

"Пусть народ сам возьмется за свои дела, если он хочет добиться чего-нибудь..."

ПИСЬМО ИЗ ФРАНЦИИ

Дорогой т. Ч. Спасибо за календарь и газеты. Получил все в исправности. Очень интересный последний номер "ДТП," особенно статья о рождении Христа. Написана продуманно, без оскорбления религиозного чувства верующего, без пасквилей и обычных большевистских приемов и ругательств. Автору — великое спасибо, если Вы его знаете.

Еще раз большое Вам спасибо за все присланное. В надежде на получение от Вас и в дальнейшем газет, журналов и всего, что имеете —остаюсь с тов. приветом и благодарностью. **В. Т.**

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

"Христос воскрес" поют во храме;
Но грустно мне... душа молчит.
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда-б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век,
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек,
И если-б здесь в блестящем храме
"Христос воскрес" Он услыхал,
Какими-б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!

Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья
И стук мечей, и звон оков, —
О лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: "Христос воскрес"
И нам ответят все народы:
"Христос воистину воскрес."

Д. Мережковский

Помощь журналу

Авока, Па.: А. Ходневич — 2 д.; **Бриджпорт, Конн.:** И. Кордель — 5 д.; **Сакраменто, Калиф.:** С. Ф. Рыбин — 5 д.; **Вудсайд, Н. И.:** В. Свида— 5 д.; **Чикаго, Илл.:** И. У. — 5 д., Н. Лагота — 1 д., Волков — 12 д., Читатель — 10 д., Н. Гвай — 10 д.,; **Поланд, Охайо:** С. Медынич — 15 д., К. Семенос — 5 д.; **Мериден, Конн.:** Виршич — 5 д.; **Нью Иорк:** Чубинский — 3 д., В. Штовхач — 1 д.; **Солт Ст. Мэри, Кан.:** Бондар—5 д.; **Нью Иджипт, Н. Дак.:** С. Перчук—5 д.; **Монтреал, Кан.:** Резанович — 5 д.; **Абердин, Савт Дакота:** А. Русик — 4 д.; **Венице, Калиф.:** А. Локшин — 2 д.; **Кансас Сити, Кансас:** Горелик — 10 д.; **Оранж, Конн.:** Е. Яруб — 5 д.; **Торонто, Кан.:** П. Пенев — 5 д., И. Ф. — 2 д., Р. П. Гронский — 5 д., Шабан — 5 д.; **Майями, Флор.:** Б. Еленский — 3 д.; **Сант Луис: М.** Хведченя — 10 д. 50 с., М. Радивончик — 5 д., А. Мошков — 5 д., П. Прудиус — 5 д., Тюшкевич — 2 д., В. Шурхай — 2 д.; **Детроит:** И. Черный — 16 д., Г. М. — 10 д., Ш. Т. — 10 д., К. К. — 10 д., Ч. И. — 10 д., П. К. — 10 д., А. К. — 5 д., Н. Гвай — 2 д., Ф. Коваленко — 5 д., М. Жук — 2 д. 50с.